

НОЯБРЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Молодежной научной конференции

факультет социологии СПбГУ, 9–10 ноября 2020 года

Санкт-Петербург
2021

УДК 316
ББК 60.56
Н86

Под редакцией *Анны Васильевны Мальцевой* (д. социол. н., доцент, ф-т социологии СПбГУ), *Игоря Ивановича Темного* (асс., ф-т социологии СПбГУ)

Ответственный редактор: *Ольга Вячеславовна Сергеева* (д. социол. н., доцент, ф-т социологии СПбГУ)

Рецензенты:

Наталья Егоровна Шилкина, д. социол. н., доцент, ф-т социологии СПбГУ

Надежда Андреевна Зиновьева, к. социол. н., ассоциированный научный сотрудник СИ РАН — филиала ФГБУН ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

Н86 Ноябрьские социологические чтения. Сборник материалов молодежной научной конференции 9–10 ноября 2020 года. — СПб.: Скифия-принт, 2021. — 106 с.

ISBN 978-5-98620-504-5

В сборник вошли тексты докладов, прозвучавших на Молодежной научной конференции «Ноябрьские социологические чтения», состоявшейся 9-10 ноября 2020 года на факультете социологии. Мероприятие охватывало универсальный набор социологических исследовательских тем, давая возможность показать свои разработки участникам с разными идеями и методологическими ориентирами. Благодаря сборнику все, кто занимается социальными и гуманитарными науками, могут получить представление об интересах молодых исследователей.

УДК 316
ББК 60.56
Н86

ISBN 978-5-98620-504-5

© Коллектив авторов, 2021
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Студенческая наука — «сильный» агент профессиональной социализации будущего специалиста вне зависимости от дальнейшего места работы. Проводя исследование, готовя итоговый текст, публично представляя результаты, студент тренирует экспертные навыки, находясь в конкурентной среде своих коллег. Поэтому молодежные конференции, где демонстрируются результаты исследовательской работы студентов, являются традицией для факультета социологии СПбГУ.

Настоящий сборник объединяет тексты докладов тех, кто участвовал в Молодежной научной конференции «Ноябрьские социологические чтения», состоявшейся 9–10 ноября 2020 года на факультете социологии в онлайн-формате. На мероприятие собирались студенты и аспиранты из разных российских городов, были и международные докладчики. Всего в дискуссию включились 41 студент и аспирант, представляя как теоретические, обзорные, так и эмпирические исследования. Конференция работала по шести тематическим направлениям/секциям, ставшим основой содержания для сборника докладов.

Благодаря данному изданию можно увидеть панораму идей начинающих исследователей по социально-политическим вопросам (раздел «Контексты силы: социология политики, конфликтов, гражданского участия и международных отношений»); социологической теории (раздел «Социологическая теория и методология вчера, сегодня, завтра»); социальным аспектам цифровизации (раздел «Социология цифровых коммуникаций»); проблемам труда, занятости, образования, потребления (раздел «Социология труда и экономических процессов»); по актуальной социально-экологической повестке (раздел «Социология глобальных и локальных конфликтов и проблем»); социологии медиа и культуры (раздел «Социология медиа, коммуникации и культурных индустрий»).

Коллектив преподавателей, работавших над сборником, надеется, что и опубликованные материалы, и конференция станут источником вдохновения и творческой мотивации для дальнейших исследований молодых социологов.

С Е К Ц И Я 1 .

КОНТЕКСТЫ СИЛЫ: СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ, КОНФЛИКТОВ, ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Касаткин Дмитрий Михайлович

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОБМЕНИ КАК ЧАСТЬ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В современном мире многие государства проводят государственную молодежную политику (ГМП) с целью развития и поддержки молодежи. В наибольшей степени это характерно для западных стран. Один из инструментов ГМП — международные молодежные обмены (ММО).

В России обмены регулируются внутренним национальным законодательством и межгосударственными соглашениями. Первое на данный момент не получило достаточного развития [5]. Обмены лишь однажды употребляются в федеральном документе по ГМП [2]. Определение термина отсутствует. Обмены употребляются в качестве метода профессиональной реализации. Трактовка встречается только в документе уровнем ниже — в Законе Санкт-Петербурга о ГМП [1]. На международном уровне ММО развиты в большей степени. основополагающими документами для РФ являются двусторонние (с Беларусью, Германией, Италией, Украиной, Францией и Японией) и многосторонние соглашения (в рамках СНГ, Совета Европы, Шанхайской организации сотрудничества [6]) [7]. В данном случае мы рассматриваем именно специализированные дого-

воры о молодежном сотрудничестве или молодежных обменах, хотя подобные термины иногда встречаются и в общих соглашениях о сотрудничестве между странами. Подобные договоры заключены с большинством стран. Однако в рамках обозначенной темы их значимость невелика, так как в них не раскрывается суть молодежных обменов, не обозначаются их функции и не проговаривается механизм их реализации. Рассмотрим некоторые из таких соглашений.

Признанный лидер в сфере молодежных обменов — Германия, с которой у нашей страны действует соглашение [4] по обменам с 2004 года. Документ не дает однозначного определения ММО, но говорит о ряде признаков этого процесса. Во-первых, обозначается целевая аудитория обменов. С одной стороны, они всеобще доступны, «открыты для представителей молодежи всех регионов, общественных сфер и социальных слоев ... с учетом предоставления равных возможностей участия в них» [4]. С другой стороны, документ определяет ряд социальных групп и институтов, которые делятся опытом с молодежью. К таковым относятся молодежные организации различной направленности, молодые специалисты из разнообразных сфер, учебные заведения среднего и высшего образования, волонтеры, лица, осуществляющие работу с молодежью, представители органов государственной и муниципальной власти.

Во-вторых, соглашение определяет механизм развития обменов. Страны создают Российско-германский совет в области молодежного сотрудничества, который задает общее направление развития, и национальные координационные бюро, отвечающие за реализацию этой политики в каждой из стран. Оговаривается, что развитие обменов проводится на национальном, региональном и муниципальном уровнях.

В-третьих, соглашение твердо отделяет молодежные обмены от академической мобильности и спорта. Соглашение устанавливает формы молодежных обменов: это межкультурные, образовательные общественно-политические, исторические, экологические, волонтерские мероприятия, обмены между городами-побратимами или регионами, мероприятия, связанные с молодежной политикой, молодежными СМИ, обмен научной информацией среди молодежи, творческие молодежные мероприятия и др. Отдельное внимание уделяется распространению языка.

Данное соглашение сформировало устойчивые связи в молодежной сфере между Россией и Германией. Был заложен фундамент,

на основе которого появились программы обмена, расширилось сотрудничество между университетами, молодежными организациями.

В другом, уже не двухстороннем, а многостороннем документе — соглашении в рамках СНГ — цель молодежных обменов определяется как «сохранение и углубление дружественных отношений между государствами — участниками соглашения» [3]. Взаимодействие осуществляется между государственными органами, молодежными организациями, вовлеченными в ГМП. В рамках соглашения формируется совет для реализации достигнутых договоренностей. Однако в дальнейшем документ не развивает тему ММО и оказывается менее проработанным, чем соглашения с западными странами. Степень проработки данного документа отражает невысокий уровень развития обменов в СНГ в целом.

Сопоставляя опыт, мы видим, что в различных странах существует неодинаковый уровень проработки механизма обменов. Это оказывает влияние на межгосударственные соглашения по молодежному сотрудничеству. В западных странах определены формы, механизмы реализации, возможные категории участников. На постсоветском пространстве обмены менее институализированы. Тем не менее кооперация с лидерами молодежного сотрудничества создает потенциал для развития обменов за счет государственной поддержки и создания общего молодежного пространства между государствами — участниками соглашений.

Говоря о реализации имеющихся наработок, представляются об- условленными следующие меры в развитии ММО в России:

1. Институционализация обменов: введение определения, обозначение функций, целевой аудитории, конкретных форм организации.
2. Развитие сотрудничества с лидерами в сфере международных обменов с целью заимствования опыта.

Представленные шаги приведут к интенсификации ММО в РФ и выведут взаимодействие государства с молодежью на новый уровень.

Литература

1. О реализации государственной молодежной политики в Санкт-Петербурге [закон Санкт-Петербурга от 27 июня 2013 г. № 425-62: принят

- Законодательным собранием Санкт-Петербурга 26 июня 2013 г.]. URL: <https://peterburg-pravo.ru/zakon/2013-06-27-n-425-62/> (дата обращения: 05.10.2020).
2. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года по обменам [утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-п]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 12.10.2020).
 3. Соглашение государств — участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в сфере работы с молодежью [дата подписания: 25.11.2005, дата вступления в силу: 05.05.2006, источник опубликования: бюллетень международных договоров, июнь 2008, № 6, с. 9–3, Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 31.08.2017]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/multilateral_contract/-/storage-viewer/multilateral/page-1/50427?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=Соглашение+государств-участников+Содружества+Независимых+Государств+о+сотрудничестве+в+сфере+работы&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 09.10.2020).
 4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия в области молодежного сотрудничества [дата подписания: 21.12.2004, дата вступления в силу: 14.10.2005, источник опубликования: бюллетень международных договоров, 2006, № 3, с. 62]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/46033?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=СОГЛАШЕНИЕ+МЕЖДУ+ПРАВИТЕЛЬСТВОМ+РОССИЙСКОЙ+ФЕДЕРАЦИИ+И+ПРАВИТЕЛЬСТВОМ+В+ОБЛАСТИ+МОЛОДЕЖНОГО+СОТРУДНИЧЕСТВА&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 11.10.2020).
 5. Шилкина Н. Е. Целевая ценность. // Словарь виталистской социологии. Сер. «Социальное образование России в XXI веке» / Под ред. С. И. Григорьева. — М., 2006. — С. 133–134
 6. Молодежные обмены между странами участницами Шанхайской Организации Сотрудничества: монография / Под общ. ред. С. Г. Максимовой. — Барнаул, 2015. — 214 с.
 7. Внешняя политика // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts (дата обращения: 09.10.2020).

Кузенова Элина Ризабековна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

КОНТЕКСТ БИОВЛАСТИ ПАНДЕМИИ 2020

Пандемия 2020 года выстроила многочисленные модели институциональных мер и стратегий, дисциплинирующих личность. Детализация ограничительных мер пронизывает всю повседневность, а экстренный режим мобилизации актуальных норм права все больше основывается на регламентации биологических характеристик населения.

В ракурсе постмодернистских социологических концепций феномен болезни предстает как системообразующий конструкт социального пространства. Введенное М. Фуко понятие «биовласть», определяющееся как «„матрикс“ дискурсивных и внедискурсивных научно обоснованных дисциплинарных практик контроля, нормализации и совершенствования человеческого тела» [7, 65], обозначило обострившуюся симптоматику нынешней темпоральности. Случившаяся пандемия расширила полномочия медицинской власти в игре с биологическими знаниями, поддерживающими дискурс борьбы с патологией. Запрещающая и предписывающая риторика в представляющем угрозу социальном пространстве овладела телом социума. Сценарий повседневности идентифицировал социальное поле как угрозу заражения, переформатировав параметры правильного поведения на бдительное соблюдение ограничительных мер. Тотальная экспансия в биологические характеристики населения структурировала свойственную власти формулу: «заставить умереть или позволить жить» [9, 255], тем самым упорядочив социальные процедуры и еще продуманней рационализировав искусство управления населением.

Диффузная абстракция всепоглощающей медицинской власти происходит от феномена рассубъективации, продуцирующего лояльного индивида, включенного в общественную машину [3, 11]. Поведенческая составляющая оказалась в еще большей степени опосредована средой и под эгидой ограничительных мер закрепила капитал медицинской коммерциализации и консьюмеризации. Можно предположить, что эффективность инструментария дисциплинарной нормализации соотносится со степенью навязывания границ

мышления и практики. Так, воссозданный симулякр опасности, исходящий от социального поля, хоть и обострился неподготовленной системой российского здравоохранения к экстренным мерам борьбы с патологией, но зацементировал патерналистский уклад в кооперации с клиническим дискурсом.

Каркас отечественной здравоохранительной политики, претерпевающей реформаторские оптимизации, обнажил массовые дисфункции. Переход российского здравоохранения на капиталистическую парадигму развития постепенно адаптировался под механизмы деинституционализации официальной медицины, дав волю альтернативным «производителям» источников здоровья. Однако расширившиеся границы профессионального поля перевели концепт «здоровье» из индивидуальной ценности в общественно значимый вопрос, требующий контроля и нормализации [2, 102]. И несмотря на признанный травматичным для отечественного здравоохранения опыт масштабной оптимизации [4], курс отхода от этагистских ожиданий российского населения повернул вспять. «Спасение» населения от вируса 2020 года переориентировало альтернативные капиталы медицинского знания на патерналистский режим. Свидетельством этого, помимо выстроенных законодательно-правовым формализмом ограничительных мер, является старт массового прививания. Этот процесс в свете идей М. Фуко соответствует отказу от признания центральной и определяющей роли субъекта в социальных процессах. Легально-легитимный конвейер биовласти заставляет человека подчиниться медицинским процедурам, поскольку «больными» легче управлять, чем здоровыми, так как они не сопротивляются и не задают вопросов [8].

«Пандемия опасности» стала особым элементом политики здоровья, торжествующим над вводом очередных мер по атомизации массового жизненного опыта. Пребывание человека в поле медицинского дискурса наделяется смыслом клинической единицы и отдает население во власть расширяющегося круга компетенции медиков. Прорабатывание персонализированного подхода к пациентам можно усмотреть как отдельное декларативное свойство медицины, приобретающее манипулятивный характер и подвергающее колонизации смысловых и ценностных структур жизненного мира, что ведет к «монетаризации всех социальных и личностных сфер» [1, 33]. Экспансия медицинской власти сужает пространство тела населения, нормируя в нем обработанную медициной истину. Воля к зна-

нию диктуется медикалистским дискурсом и под предлогом таких мер, как самоизоляция и массовое прививание, освобождает пространство как в физическом, так и в духовном смысле от субъектов, берущих ответственность на себя: «происходит возврат к XVII веку, с одним различием: не человека ставить на место Бога, но анонимную мысль, знание без субъекта, теоретическое без идентифицируемой субъективности...» [10, 355].

Нынешний медицинский дискурс редуцирует спектр самоидентификации индивидов. Вне зависимости от социальной позиции граждан пандемический дискурс абстрагирует общественное поле от альтернативных источников знания и инициирует медицинское доминирование.

Литература

1. *Абрамова С. Б.* Деньги и колонизация жизненного мира современных россиян // Известия Волгоградского государственного технического университета. — 2010. — № 7 (67). — С. 28–33.
2. *Бурганова Л. А.* Медикализация и эстетизация здоровья в рекламной коммуникации / Л. А. Бурганова, Ж. В. Савельева // Социологические исследования. (нет года издания) — № 8. — С. 100–107.
3. *Волков В. Н.* Концепт «Дисциплинарной власти» в современном культурологическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 19-2. — С. 10–17.
4. Голикова назвала проведение оптимизации в сфере здравоохранения ужасным [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7418625> (дата обращения: 30.11.2020).
5. *Тищенко П. Д.* Жизнь и власть: биовласть в современных структурах врачевания // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. — 2006. — № 7. — С. 39–67.
6. *Фуко М.* Рождение клиники. — М.: Смысл, 1998. — 310 с.
7. *Фуко М.* Нужно защищать общество. — СПб.: Наука, 2005. — 312 с.
8. *Табачникова С.* Комментарии // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальностями. Работы разных лет / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.

Носкова Ольга Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Слово «волонтер» происходит от французского *volontaire*, которое в свою очередь произошло от латинского *voluntarius*, и в дословном переводе означает «доброволец, желающий». Говоря об истоках зарождения феномена волонтерства, или добровольного служения в мировом сообществе, важно отметить принятие христианской веры, идеи которой напрямую связаны с волонтерством: бескорыстная помощь ближнему, добровольные подаяния нуждающимся, труд на благо церкви и проч. История развития идей волонтерства также связана с военной тематикой, когда мужчины добровольно уходили на фронт, а женщины и дети трудились на фермах, помогали раненым, участвовали в восстановлении хозяйства после военных конфликтов. Одной из старейших организаций по оказанию добровольной помощи участникам кровопролитных войн является Международный Комитет Красного Креста, образованный швейцарским предпринимателем Анри Дюнаном в 1863 году, который ставил перед собой задачу предоставления помощи враждующим сторонам и пострадавшим, при этом сохраняя позицию нейтралитета. Но именно XX век можно смело назвать эпохой расцвета волонтерства, именно тогда создаются такие международные организации, как Greenpeace, Волонтеры ООН, ЮНЕСКО и проч.

В России развитие добровольческого движения тесно связано с созданием в советское время комсомольской организации, строительных отрядов, ежегодных студенческих поездок «на картошку» и идеологией всесоюзной солидарности. Наряду с добровольной работой на различных объектах народного хозяйства советская молодежь организовывала досуг, знакомилась, развлекалась, находила творческих единомышленников.

Волонтерство США берет начало с образования в 1933 году Гражданского корпуса охраны окружающей среды, главной идеей которой была борьба с молодежной безработицей. Далее в 1961 году президент Кеннеди создает «Корпус мира», оказывающий помощь нуждающимся странам. Сегодня в волонтерской деятельности США

участвует около 50 % населения, что свидетельствует о важной роли волонтерства в развитии страны.

В Японии в 1910 году создается актуальная и по сей день система благотворительной помощи «Хоумен инн», смысл которой в определении уровня благосостояния граждан и оказании необходимой поддержки нуждающимся путем привлечения волонтеров. А уникальная система поощрения волонтеров «Банк времени», представляющая собой накопление волонтерских часов с целью их обмена в будущем на эквивалентную помощь для самого волонтера или членов его семьи, создает серьезные социальные гарантии.

В 1973 году в Великобритании создается крупнейший Центр добровольцев для обеспечения комфортных условий работы волонтеров, поощрения их деятельности и поддержания качества выполняемых работ. На текущий момент существует четыре национальные добровольческие организации по всей Великобритании: «Добровольчество Англии», «Развитие добровольчества Шотландии», «Уэльский совет по добровольческой деятельности» и «Агентство по развитию волонтерства в Северной Ирландии». Важно отметить, что в этой стране волонтерская деятельность является ответственностью децентрализованных администраций. Правительственное ведомство, которое отвечает за добровольчество, — это Управление третьего сектора в кабинете министров.

В Германии волонтерство высоко ценится на уровне правительства, третий сектор имеет большое влияние на законодательную власть, получая при этом субсидии, финансовую поддержку, налоговые льготы, а волонтерам, активно участвующим в социальных проектах, добровольная деятельность засчитывается в общий трудовой стаж. Каждый третий житель Германии является волонтером, посвящая работе в добровольческих ассоциациях, проектах и группах взаимопомощи более 15 часов в месяц.

Франция признает две формы участия в волонтерской деятельности: *Bénévolat* и *Volontariat*. *Bénévoles* не связаны контрактом с организацией, где работают. Для вступления в этот статус не требуется ни предоставление диплома, ни соответствие определенным условиям. Волонтеры такого типа могут закончить свою деятельность в любой момент. *Volontaires* заключают контракт на проведение определенных работ в определенные сроки в рамках волонтерской активности. Ведущей общественно полезной организацией Франции является учрежденная в 1966 году ассоциация *REMPART*, смысл ко-

торой в восстановлении объектов культурного наследия и памятников архитектуры силами волонтеров.

В Канаде существует две крупные группы волонтеров, которых отличает мотивация к занятиям добровольческой деятельностью: материально благополучные пенсионеры, которые хотят продлить свой активный жизненный цикл, используя глубокие знания и большой личный опы, и молодые люди, использующие волонтерство как стартовую площадку для будущей карьеры. Основной мотивацией для волонтеров служит возможность приобрести опыт и знания в той области, где они хотели бы в дальнейшем трудиться [1].

Таким образом, зарождение волонтерства тесно связано с религиозным гуманизмом, который охватил сотни стран две тысячи лет назад. Военные действия также являлись причиной для развития добровольной помощи нуждающимся на всех континентах. XX век определил особенности развития волонтерского движения в России и зарубежных странах, обозначив наиболее приоритетные направления и систему поощрения добровольцев. И сегодня можно констатировать, что именно волонтерство является механизмом укрепления мировой общественной солидарности, повсеместно распространяя свои принципы, идеи и ценности.

Литература

1. Методическое пособие для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и образовательных организаций по вопросам развития волонтерского движения 2016 г. — [Электронный ресурс]. — URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1861319119/Metodicheskoe_posobie.pdf (дата обращения: 02.11.2020).

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Зверев Никита Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

МАТЕРИАЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЪЕКТА В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ. ОТ СЕМИОЛОГИИ ДО «ПОВОРОТА К МАТЕРИАЛЬНОМУ»

Социологическая концептуализация архитектурного объекта на протяжении развития социальной науки неоднократно менялась. На сегодняшний день можно выделить три самых популярных способа концептуализации архитектурного объекта. Первый восходит к семиологии и сводится к способу мышления «здание как символ/знак/язык». Его начал разрабатывать еще Дж. Г. Мид [10]. Впоследствии он окончательно утвердился в работах по семиологии [8] [9]. В социологических исследованиях это проявлялось следующим образом: здание становится репрезентацией классовых отношений, результатом социальных процессов и т. д. Здание для социологов — объект, воплощающий в себе веберовские культурные формы или марксистские классовые отношения. Самый наглядный пример такого типа исследования — «Дом, или Перевернутый мир» П. Бурдьё [1], где французский социолог рассматривает архитектуру кабилских домов. Проведя этнографический анализ ритуальных практик местных жителей, он показывает, как конструируется физическое пространство среды обитания, исходя из символических представлений живущих там людей.

Проблема семиотического концептуализации здания в том, что в рамках такой оптики мы ничего не можем сказать о здании

как о материальном объекте. После «поворота к «материальному» и появления акторно-сетевой теории материальный объект стал мыслиться как актант, обладающий агенсу, способный действовать, опосредуя взаимодействия других актантов и вступая в ассоциативные связи с другими людьми и не-человеками [6]. Здание больше не является символической репрезентацией классовых отношений или культурных форм. Представителей нового теоретического подхода объединяет недовольство господствовавшими ранее представлениями о том, как нужно подходить к рассмотрению материальных объектов в социологии. Материальность здания выходит на первый план, и теперь оно оказывается втянутым в сеть акторов, распределяющее с ними способность производить порядок.

При этом, несмотря на те особенности акторно-сетевого подхода, которые привлекают теоретиков архитектуры в лагерь объектно-ориентированных исследований, архитектурный объект в оптике акторно-сетевой теории становится жертвой концептуализации здания как технологии. Попытка избежать семиотического редукционизма привела к проблеме «привилегированного объекта» [5]. Все объекты акторно-сетевая теория рассматривает как технику — как нечто, что участвует в производстве новых актантов и создает новые ассоциативные связи: «Технологии мыслятся в социологии вещей, как своего рода привилегированные вещи» [2, 36]. Таким образом, латурианский подход в архитектуре тоже становится жертвой редукционизма — здание видятся объектом-технологией, который участвует в производстве новых актантов и создает новые ассоциативные связи.

В последнее время исследования архитектуры включаются в еще один дискурс — дискурс спекулятивной философии. Несмотря на то что спекулятивный реализм возник во многом благодаря акторно-сетевой теории, его оптика отличается от нее. Это новое направление называют «второй волной поворота к материальному». В исследованиях архитектуры оно восходит к М. Деланду и Г. Харману, подход которых избавлен от указанного выше недостатка акторно-сетевой теории. В рамках второй волны была предложена концептуализация объектов как ассамбляжей, состоящих из разных элементов: различных вещей, людей и идей [4], [7]. Любой объект является своеобразной сборкой из этих элементов, имеющий свою уникальную историю появления. Таким образом, архитектурный объект является одновременно и ассамбляжем, и элементом, включенным в другие

ассамбляжи. Такой подход исключает проблему «привилегированного объекта», свойственную акторно-сетевой теории.

Конечно, в области архитектурных исследований теоретические ресурсы «второй волны поворота к материальному» не могут дать ответы на все вопросы, но они дают возможность их формулировать с уверенностью, что материальность архитектуры не растворится на фоне таких категорий, как повседневность и значение [3]. Это большой шаг социологов навстречу возможности исследовать материальные объекты, не используя в их концептуализации жесткую редукцию к символу, социальным отношениям и другим подобным категориям, при этом избегая рассмотренной выше проблемы «привилегированного объекта». Тем не менее такого рода исследований не очень много и пока рано говорить, насколько эта программа окажется успешной в социологических исследованиях архитектуры.

Литература

1. Бурдьё П. Дом, или Перевернутый мир / Пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. СПб.: Алетей, 2001. — 562 с.
2. Вахштайн В. К микросоциологии игрушек: сценарий, афорданс, транспозиция // Логос. — 2013. — № 2. — С. 3–37.
3. Гейдж, М. Ф. Убивая простоту: объектно-ориентированная философия в архитектуре / Пер. с англ. Н. Волкова // Социология власти. Т. 29. — 2017. — № 1. — С. 176–192.
4. Деланда, М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / Пер. с англ. К. Майорова. — М.: Гиле Пресс, 2018. — 164 с.
5. Константинова, М. Метонимический поворот. Социология вещей против социологии технологий // Социология власти. Т. 27. — 2015. — № 1. — С. 90–107.
6. Латура Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. — Издательский дом «Территория будущего». — 2006. — С. 199–222.
7. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда / Пер. с англ. А. Писарева // Логос. — 2017. — Т. 27. — № 3.
8. Эко У. —Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. — СПб: Симпозиум, 2006. — 704 с.
9. Barthes R. Semiology and Urbanism // University of Naples Institute of Architectural History. — 1967. — Vol. 10. — P. 412–419.
10. Mead G. H. Mind, Self, and Society. — Chicago: The University of Chicago Press, 1934. — 536 p.

Москаленко Диана Денисовна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

MEMORY STUDIES: ГЕНЕЗИС НАПРАВЛЕНИЯ

Memory studies представляет собой относительно недавно появившийся комплекс идей, позволяющих исследовать отношение общества к прошлому. Ученые-социологи нередко обращаются к memory studies, но это направление популярно и среди исследователей из других общественных наук. Несмотря на то что иногда memory studies называют междисциплинарной областью, исследователи все чаще говорят о том, что данное направление является мультидисциплинарным, или многодисциплинарным [1, 22]. Как отмечают Г. Рёдигер и Дж. Верч в своей статье «Создавая новую дисциплину memory studies», данное исследовательское поле «объединяет в себе интеллектуальные направления из различных областей, включая (но не ограничиваясь) антропологией, сферой образования, литературой, историей, философией, психологией и социологией» [5, 9]. На данный момент некоторые ученые констатируют кризис в memory studies, но его можно рассматривать и как индикатор потенциальных зон роста [4, 15].

Выделяются три стадии развития memory studies [4, 13–14]:

1. 1920-е — 1940-е, период зарождения исследований коллективной памяти;
2. 1980-е — 1990-е, период так называемого «мемориального бума»;
3. Конец 1990-х — настоящее время, период критического переосмысления и рефлексии направления.

В первый период появляется концепт коллективной памяти в работе французского социолога М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти», на которого оказали влияние идеи Э. Дюркгейма о коллективных представлениях. Коллективную память Хальбвакс понимал как «коллективное культурное произведение», которое формируется под воздействием социальных явлений [3, 85]. Этой концепции присущ радикальный социологизм, поскольку, по Хальбваксу, память индивида полностью определена социальными факторами [4, 22]. Коллективную память Хальбвакса нередко подвергали критике

за отсутствие точного определения, и в данный период этот концепт не стал достаточно популярным.

Второй период характеризуется «мемориальным бумом». В 1980-х происходит «переоткрытие» идей Хальбвакса о «коллективной памяти». Это произошло благодаря работам Й. Йерушалми «Захор: Еврейская история и еврейская память» и антологии П. Нора «Места памяти» [4, 14]. Выделяют несколько факторов, способствовавших возникновению «мемориального бума»: студенческие протесты 1960-х, стимулировавшие интерес к прошлому; борьба с колониализмом, запустившая процесс пересмотра исторических нарративов; распад социалистического лагеря [6, 529–530]. В этот период также начинается институционализация направления (в 1989 г. основывается научный журнал *History and memory*) [4, 14]. Также разрабатываются концепции, которые более точно описывают некоторые виды коллективных представлений о прошлом («культурная» и «коммуникативная» память Я. и А. Ассман) [2, 15–16].

Однако в конце 1990-х в силу отсутствия четких и единых определений и критики объекта исследований в *memory studies* наступает кризис. Начинается так называемый «критический» период, во время которого исследователи пытаются отразить уже имеющиеся наработки и найти более применимые в практике концепты [4, 14]. Дж. Олик, один из ведущих ученых в *memory studies* на данный момент, назвал это исследовательское поле «неустойчивым» [4, 15]. Нередко отмечаются пересечения концепций различных видов социальной памяти (коллективной, коммуникативной, культурной и т. д.) с другими социологическими концептами (национализм, культурная идентичность и т. д.), также возникают проблемы при отделении памяти от истории [6, 532]. Но, несмотря на это, продолжается дальнейшая институционализация этого направления: в 2008 году появляется журнал *Memory studies*, а в 2016-м — Ассоциация исследований памяти [4, 24–25].

Несмотря на свою не короткую историю, исследования памяти — достаточно молодое направление, для которого есть значительное пространство для развития. Вопросы о влиянии памяти коллективов на разные социальные конфликты, о роли государства и других политических сил в формировании памяти общества, о последствиях технологических изменениях, свидетелями которых человечество сейчас является и которые могут отразиться на кол-

лективной памяти, еще далеки от разрешения и задают траектории для проведения новых исследований.

Литература

1. Джонсон Дж., Малинова О. Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Полит. наука. — 2020. — № 2. — С. 15–41.
2. Мысливец Н. Л., Романов О. А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2018. — Т. 18. — № 1. — С. 9–19.
3. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое / The New Past. — 2016. — № 1. — С. 82–99.
4. Сафронова Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. — 2018. — № 3. — С. 12–27.
5. Roediger III H. L., Wertsch J. V. Creating a new discipline of memory studies // Memory studies. — 2008. — Vol. 1. — № 1. — P. 9–22.
6. Verovšek P. J. Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm // Politics, Groups, and Identities. — 2016. — Vol. 4. — № 3. — P. 529–543.

Леванина Мария Романовна,

Беля Анна Ильинична

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕТОДА В СОЦИОЛОГИИ

Наши знания об обществе и его функционировании были бы весьма ограничены без проведения эмпирических исследований. Это и является главной причиной для их существования: ученые хотят знать, как действия и сознание человека определяется культурными и социальными структурами. Социологи анализируют и объясняют различные события в жизни человека и общества. Делая упор на тщательный сбор и анализ данных, они расширяют понимание ключевых социальных процессов. Методы исследования, применяемые социологами, разнообразны, однако в первую очередь исследователи задумываются об обеспечении объективности знаний: важно отразить то, что действительно происходит в мире, а не свою собственную субъективную позицию.

В идеале мы должны стремиться к тому, чтобы сбор данных был как можно более объективным, однако существует такая точка зрения, что на самом деле невозможно собрать данные, которые являются чисто объективными, так как в процессе сбора и обработки все равно присутствует субъективизм исследователя.

Изучение социальных явлений — процесс очень сложный, поэтому социологи используют различные методы в зависимости от целей и задач исследования: экспериментальный (сравнение между экспериментальными и контрольными группами), лонгитюдный (исследование, проводимое более, чем один раз на одном эмпирическом объекте), кейс-стади (исследование одного конкретного случая с целью выявить специфику), сравнительный (сравнение двух и более случаев) [1, 48]. Выделяется два подхода для реализации каждого: количественный и качественный — в зависимости от способа получения информации [1, 48]. Количественные методы включают в себя статистический анализ данных, проведение стандартизированных опросов [3, 17]. Качественные методы — это наблюдение, интервью, кейс-стади.

С течением времени появляются новые методы исследования. Сейчас у исследователей гораздо больше возможностей и инстру-

ментов, чем, например, у ученых 50 лет назад. Но, несмотря на это, какие-то изначальные методы актуальны до сих пор: например, сравнительный анализ, разработанный К. Марксом, М. Вебером и Э. Дюркгеймом. Этот метод сейчас используется многими социологами, чтобы выявлять определенные различия (исторические, страновые и т. д.).

С другой стороны, появление таких методов, как социометрический, онлайн-наблюдение и опросы, ознаменовало новый этап в социологических исследованиях. Открытый доступ к большому количеству вторичных данных также оказал положительное влияние на дальнейшее развитие методов.

Выбор метода будет зависеть от ряда факторов, самыми важными из которых являются цели и задачи исследования, характеристики генеральной совокупности и ресурсы, которыми располагает исследовательская группа (материальные, временные и человеческие) [2, 114]. Также немалозначимую роль играет характер изучаемой темы. Для начинающих исследователей особенно трудным представляется решение о выборе конкретного метода, так как их существует множество. Но наличие определенных факторов помогает сузить выбор. Теоретические взгляды ученого, практические факторы (такие, как время, стоимость, доступность респондентов, размер изучаемой группы), этическая сторона вопроса помогут социологу выбрать тот или иной метод.

Например, для того чтобы проследить изменения трудовых практик на рынке занятости и влияние волонтерской деятельности на эти процессы, лучше всего выбрать метод лонгитюдных исследований. Большое количество волонтерских проектов в различных сферах деятельности может привести к безработице в этих областях занятости. Чтобы составить представление о возможных изменениях и, более того, разработать меры по предотвращению проблем, метод кейс-стади будет неэффективен, так как он рассматривает только конкретный случай в определенный момент времени. Но если совместить два метода, то можно получить хорошие результаты. Лонгитюдное кейс-стади: этот метод позволит понять причинно-следственные связи и динамику развития трудовых отношений, посмотреть на влияние волонтерской деятельности на рынок труда в перспективе, проследить изменения на индивидуальном уровне. Например, можно взять людей с разным бэкграундом, участвовавших в чемпионате мира по футболу в России (или любом другом

международном мероприятии в качестве волонтера), и проследить, как этот фактор повлиял в будущем на их профессиональную занятость. Однако проведение временного исследования весьма дорогостоящий проект, поэтому, например, студентам не представляется возможным его осуществить.

Происходит постоянный процесс развития различных социологических методов, современные технологии открывают новые возможности. Можно прогнозировать, что в будущем социологи будут постоянно совмещать два и более метода в одном исследовании. И несмотря на то, что каждый из них имеет свои ограничения, выбор метода будет зависеть от методологических ориентиров исследователя, от того, насколько он считает его валидным и надежным, приемлемым для глубокого понимания изучаемого явления.

Литература

1. Современные исследовательские практики в социологии: сб. материалов конференции молодых ученых (Москва, 19–20 апреля 2017 г.) / Под общ. ред. В. В. Семеновой; ФНИСЦ РАН. — М.: ФНИСЦ РАН, 2017. — С. 45–57.
2. Терещенко О. В. Проблема метода в эмпирическом социологическом исследовании / О. В. Терещенко // Социология. — 2008. — № 4. — С. 114–121.
3. Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. — М., 1987. — С. 16–21.

*Анисимова Анастасия Николаевна,
Бастракова Анастасия Анатольевна,
Григорьева Александра Сергеевна,
Жарикова Анна Владимировна*

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

«PEER-TO-PEER»: ОПЫТ СЕНСИТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ «НА РАВНЫХ»

Подход «равный-равному» (peer-to-peer) предполагает взаимодействие членов определенной группы с другими, входящими в эту группу, с целью добиться лучшего понимания собеседника. Данный подход активно используется специалистами в области просвещения населения по вопросам ВИЧ/СПИД [1], а также в психологическом консультировании, например, когда люди с инвалидностью оказывают психологическую поддержку другим людям с инвалидностью [2]. Однако в социологических исследованиях такой подход не распространен. В данной работе представлен опыт реализации подхода peer-to-peer при интервьюировании девушек на чувствительные темы.

В 2019 году в рамках весеннего цикла деятельности Социологической клиники прикладных исследований СПбГУ было проведено исследование «Оценка потребностей участниц программы “Твердым шагом во взрослую жизнь”». Перед группой социологов стояла цель выявить, какие актуальные потребности, связанные с формированием жизненных навыков, существуют у девушек в возрасте 16–23 лет из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В качестве метода исследования было выбрано полуструктурированное интервью. Всего было проведено 21 интервью со студентками колледжей (в том числе колледжей с подразделением «детский дом») и воспитанницами центров содействия семейному воспитанию. В связи с пережитым травматичным опытом потери родителей и конфликтными отношениями в семьях большинства девушек можно говорить о чувствительности поля исследования. Во-первых, девушек спрашивали об опыте их семейных проблем с родителями. Во-вторых, обсуждались вопросы, связанные со взаимоотношениями с противоположным полом, репродуктивным здо-

ровьем, контрацепцией и сексуальным насилием, а часть вопросов была посвящена аддиктивному поведению.

В соответствии с особенностями поля и целью исследования было особенно значимо выстраивание доверительной коммуникации между интервьюером и информанткой. Разговор на чувствительные темы (репродуктивное здоровье, аддиктивное поведение и т. д.) проще поддержать с ровесницей, которая говорит на том же языке и совсем недавно, возможно, преодолела схожие подростковые трудности. Поэтому нами был выбран подход *peer-to-peer* («равный-равному»).

Главный риск, который несет такой подход, — некорректное восприятие интервьюера информантом: фамильярное обращение, несерьезное отношение информанта к вопросам исследования и, как следствие, отсутствие продуктивного общения. Однако при проведении интервью в нашем исследовании таких ситуаций не возникло. Наоборот, интервьюер-ровесница воспринималась девушками положительно. Об этом свидетельствовала продолжительность интервью (у информанток не возникало желания быстрее «закруглить» беседу), инициирование разговоров на неформальные темы после проведения интервью, положительная обратная связь от педагогов («Они [девушки] были в восторге!»). Кроме того, в ходе проведения сбора данных не было отказов от прохождения интервью, односложных ответов на вопросы: все девушки старались объяснить свою позицию.

И все же избежать трудностей не удалось. Наиболее сложным оказалось отсутствие у интервьюеров сформированной модели реагирования на непредвиденные ситуации: девушки плакали во время интервью, давали противоречивые ответы, которые разрушали все ожидания интервьюера, рассказывали о своем опыте (не)преодоления жизненных трудностей. В силу той самой небольшой разницы в возрасте интервьюер сильнее прочувствовал эмоции девушек, их переживания, что в некоторых случаях было психологически тяжело. Желание поделиться собственным опытом в решении подобных трудных ситуаций превращало части интервью в доверительные «разговоры подруг». И нельзя однозначно сказать, мешало ли это проведению исследования или, наоборот, способствовало.

В итоге мы все-таки считаем, что использование подхода *peer-to-peer* эффективно в исследованиях, включающих чувствительные темы. При проведении таких исследований особое внимание нужно

уделить подготовке интервьюеров, в частности, наиболее эффективными будут тренинги с разбором конкретных кейсов.

Литература

1. Просвещение по методу «равный-равному» и ВИЧ/СПИД. Концепция, применение и проблемы: Материалы Объединенной программы Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу ЮНЭЙДС. — URL: https://data.unaids.org/pub/report/2007/jc1194-peereducation_ru.pdf (дата обращения: 20.01.2021).
2. Сайт ННО Общественное объединение инвалидов города Ташкента «ШАРОИТ ПЛЮС». «Консультирование “равный-равному”». — URL: <https://sharoitplus.uz/ru/home/> (дата обращения: 20.01.2021).

СЕКЦИЯ 3.

СОЦИОЛОГИЯ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

*Бехер Дарья Эдуардовна,
Малютина Екатерина Андреевна,
Головлева Екатерина Андреевна*

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ МОБИЛОГРАФИИ

Практика фотографирования появившись в XIX веке, неоднократно переживала революционные повороты: например, цветное фотографирование, потом массовое фотографирование с появлением камер «Kodak» и, наконец, цифровое фотографирование, вызвавшее к жизни мобилографию. Мобилография — это съемка на смартфон, благодаря чему фотографические практики индивида становятся вездесущими, всепроникающими, мобильными. Многие даже не задумываются, насколько популярна эта практика в наши дни. Мобилография поддерживает разные наши коммуникации — с друзьями, родственниками и даже с бизнес-клиентами и т. д.

Люди фотографируют, стремясь запечатлеть события своей жизни, сохранить факты для истории. Сегодня мы мотивированы делать снимки, чтобы представить себя в онлайн-социальных сетях (выкладывание фотографий в «Инстаграм» может служить, кстати, источником повышения самооценки). Что такое мобилография представителей разных поколений? Как часто люди разных возрастов выкладывают фотографии в социальные сети («Инстаграм», «ВКонтакте», «Фейсбук», «Одноклассники»)?

Общие интересы и аспекты жизни, а также различия между тремя взаимосвязанными поколениями могут проявляться в «мобильных фотогалереях» людей. Таким образом, цель нашей работы —

выявление общего и особенного между медиатеками на смартфонах людей разных поколений (младшее — 14-17 лет, среднее — 18-25, старшее — 40-50), определение основной тематики, главного цвета и преобладающего формата фото (вертикального/горизонтального/квадратного, а также определение роли фотографий в электронном хранилище в жизни каждого поколения.

Сбор данных мы проводили, привлекая девять человек как представителей трех поколений. Участвовали три человека в возрасте 18-19 лет; три человека в возрасте 35 лет; три человека в возрасте 55 лет. Все они разных профессий и имеют различные интересы и хобби. Кроме того, они имеют разное положение в обществе, неодинаковый социальный статус и т. д. Мы не только получили доступ к медиатеке участников исследования, но и беседовали с каждым о его увлечениях, хобби и интересах для полного представления картины его мира. Мы ограничились анализом фотографий из смартфонов, сделанных за три месяца.

Параметры, по которым производилось сравнение: количество снимков, их формат, преобладающая цветовая палитра, также выявление общей тематики медиатеки и геопозиция фотографий. Результатом нашей работы стал сравнительный анализ общего и особенного в фотографиях различных поколений людей.

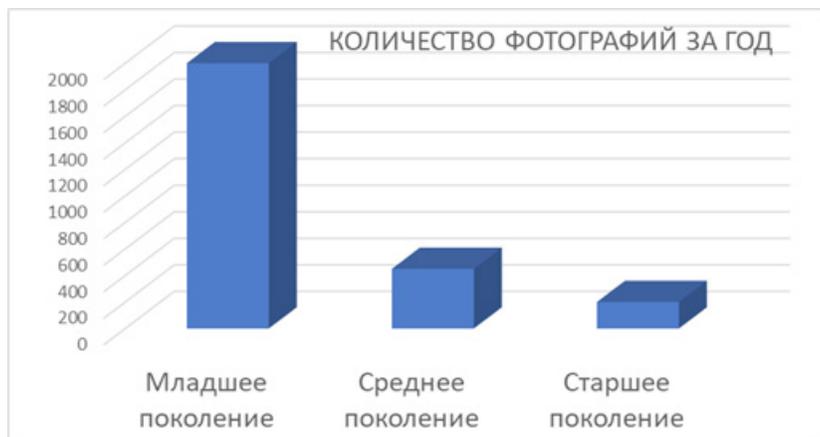

Рис. 1. Диаграмма, показывающая различия в количестве фотографий у трех поколений

1. Чем моложе люди, тем больше у них количество фотографий.
2. Чем старше поколение, тем чаще встречаются в фотогалерее друзья, родственники, коллеги.
3. У среднего поколения чаще всего встречаются фотографии, связанные с работой.
4. Молодежь старается реализовать себя через фотографию и шире представить себя.
5. Чем старше человек, тем хуже качество фотографии.

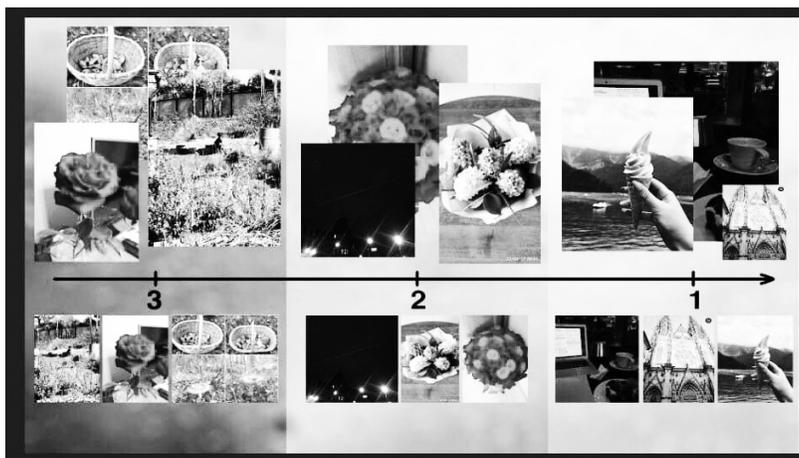

Рис. 2. Карта снимков, показывающая разность в качестве фотографий между тремя поколениями (1-я отметка — возрастная группа 14-17 лет; 2-я отметка — группа 18-25 лет; 3-я отметка — 40-50 лет).

6. У младшего поколения фотографии обновляются в альбоме равномерно, а у взрослого и старшего резко (от мероприятия к мероприятию).

Табл. 1. Частота добавления фотографий в галерею у разных возрастных групп

Частота добавления фотографий в разные промежутки времени	К-во в день	К-во в неделю	К-во в месяц
Младшее поколение	6	15	25–30
Среднее поколение	4	10	14–19
Старшее поколение	0–1	2	4

7. Младшее поколение чаще фотографирует мелочи и детали мира (части здания, интерьеры и т. д.).
8. Общим являются такие тематики: отпуск/отдых; работа/учеба; важная информация; мероприятия.

Рис. 3. Диаграмма, показывающая самые популярные и менее популярные темы фотографий среди младшего поколения

Рис. 4. Диаграмма, показывающая самые популярные и менее популярные темы фотографий среди среднего поколения

Рис. 5. Диаграмма, показывающая самые популярные и менее популярные темы фотографий среди старшего поколения

9. Такая тематика, как селфи, может послужить одним из критериев возраста, так как у младшего поколения они занимают 1/4 от всех фотографий в галерее, у среднего поколения 1/20 в фотогалерее, а у старшего их обычно нет.

Рис. 6. Диаграмма, показывающая количество селфи у представителей разных возрастных групп

Фотографирование, безусловно, социальное действие, регулирующееся культурой, групповыми нормами и образом жизни представителей разных поколений.

Литература

1. *Богданова Н. М.* Притягательность вернакулярных снимков, или Мобилография как повседневное искусство // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. — 2018. — № 1. (23). — С. 34–41.
2. Мобилография — Википедия. — [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 16.12.2020).
3. Instagram. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/> (дата обращения: 14.12.2020).

*Сечкарева Варвара Андреева,
Шмалько-Затиная Стефания Антоновна*

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ВЕБ-ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ УСЛУГ: ОТ ЯВЛЕНИЯ К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИЗУЧЕНИЯ

По состоянию на январь 2020 года в мире насчитывается более 4,8 миллиарда активных пользователей интернета [4], а в России на сегодняшний день в цифровую среду вовлечены 82 % россиян [2]. Высокая вовлеченность в виртуальную среду не только накладывает отпечаток на существующие практики взаимодействия, но и конструирует новые, к чему можно отнести и возникновение качественно новых форм деятельности.

Сексуальные услуги также трансформируются благодаря новым технологиям. Примером является использование секс-работниками платформ Onlyfans и Patreon, которые предполагают платную подписку на определенных авторов за доступ к эксклюзивному контенту. Альтернативным примером является вебкаминг — вид стриминга, построенный на общении веб-модели и зрителей в видеочате, организованном на тематической платформе (Chaturbate, CamSoda и т. д.).

Опрометчивым кажется мнение о том, что вебкаминг и сходные формы бессодержательны и являются репликой просмотра порно-контента. Часто киберпространство рассматривается как область социального опыта, отделенная от «реального мира»: взаимодействия, происходящие в киберпространстве, воспринимаются как менее «реальные», чем взаимодействие лицом к лицу в физическом пространстве. Виртуальные секс-работники и их клиенты действительно разговаривают и занимаются сексом лицом к лицу; эти взаимодействия просто опосредуются экраном [3]. Предположение, что киберпространство не является частью реального мира, зачастую предполагает, что эти формы или менее значимы для людей, вовлеченных во взаимодействие, или менее значимы с культурной точки зрения (или и то, и другое). Мало того, что контекст виртуального пространства не снижает качества взаимодействия, на самом деле именно он может быть той самой причиной, почему вебкаминг набирает популярность столь стремительно — эта новая форма не менее приятна и не менее влияет на опыт индивида.

Ключевым отличием вебкам-сервисов от непосредственно просмотра (и создания — по другую сторону) порноконента является активный коммуникативный компонент. Зарубежные социологи объясняют успех вебкаминга его способностью выходить за рамки эротического видео-перформанса, создавая иллюзию виртуальной дружбы. В. Зелизер называет это промежуточным «видом интимности» между моделью и наблюдателем, являющимся средним между секс-услугами и реальными отношениями [6, 163–166]. Так, исследование, проведенное в 2019 году среди пользователей вебкам-платформ, показало, что, по мнению пользователей, в 40 % случаев между моделью и зрителями формируются устойчивые отношения, начиная от дружбы до глубоких эмоциональных связей [5]. В числе отличий новых форм оказания сексуальных услуг можно выделить высокий уровень кастомизации пользовательского запроса (например, пользователь может запросить и оплатить эксклюзивную услугу) и разноразноуровневую систему приватности (например, за большую стоимость пользователь может получить доступ к приватным чатам с моделью, индивидуализировать взаимодействие).

Такие новые технологические формы качественно трансформируют характер сексуальных услуг. Представляется, что происходит размытие границы между порноконентом и сексуальными услугами: пользователь не контактирует с моделью в реальном мире; при минимальном уровне вовлеченности (отсутствии донатов/премиум-аккаунта) пользовательский опыт сопоставим с опытом просмотра порноконента, однако в полной мере не является им.

Вместе с трансформацией формы происходит и трансформация проблематики, существующей на рынке сексуальных услуг. В частности, вебкаминг и контент на сервисах с подпиской регулируются исключительно правилами платформ и находятся в «серой зоне» правового регулирования многих стран мира. Даже в случае, когда законы государства предполагают борьбу с загрузкой в Интернет записей порнографического характера, прямые трансляции аналогичного содержания не влекут за собой ответственности [1]. Трудности возникают и с реализацией правовых норм, направленных на защиту работников рынка сексуальных услуг: так как статус вебкам-моделей определен в меньшей степени, способы правового регулирования деятельности работников сферы интимных услуг применимы к ним в меньшем числе случаев.

Представляется, однако, что у ситуации недостаточности правового регулирования есть скрытая сторона. Так, сами работники

сферы интимных услуг могут выбирать вебкаминг как форму, обеспечивающую большую личную и материальную безопасность. С позиции неофеминистических взглядов в мире, который в значительной степени игнорирует их [секс-работни(-ков/ц)] потребности, отсутствие физического контакта означает защиту от потенциального физического вреда. В частности, такой тезис применим к состояниям сферы сексуальных услуг в странах, где правовое регулирование не преследует целью защиту работников сферы интимных услуг.

Частично из-за неопределенного правового статуса (представляется, что процесс носит обоюдный характер) дискурс, который выстраивается вокруг обсуждения и изучения секс-работы в онлайн-пространстве, находится на стадии формирования. Сами пользователи платформ, как правило, именуют себя достаточно нейтральными категориями — модели, авторы, на англоязычных сервисах — ведущие (broadcasters), создатели (creators). В то же время в научной литературе используется либо терминология, присущая исследованиям традиционных форм секс-работы (в том числе проституции), либо исследованиям порноконента, который, наоборот, не предполагает коммуникации. На сегодняшний день исследования веб-форм сексуальных услуг представляется перспективным направлением, однако требует концептуальной и теоретической разработки.

Литература

1. *Евсюков И. С.* Проблемы морали и этики на современных видеостриминговых сервисах (социокультурный аспект) // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2020. — № 2. <https://sfk-mn.ru/PDF/16SCSK220.pdf> (доступ свободный).
2. Сеть как спасение. — Текст : электронный // ВЦИОМ : [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения: 25.10.2020).
3. *Hine C.* 2000. *Virtual Ethnography*. Thousand Oaks, CA: Sage and . 2005. *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. NewYork: Berg.
4. Internet World Stats. — Текст : электронный // Internet World Stats : [сайт]. — URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 25.10.2020).
5. *Ley D.* Am iCheating? [Электронный ресурс] // Psychology Today. — 23.07.2019. — URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/women-who-stray/201907/amicheating> (дата обращения: 27.04.2020).
6. *Zelizer V. A.* *The Purchase of Intimacy*. — Princeton: Princeton University Press, 2005. — 368 p.

Попов Никита Георгиевич

МГУ им. М. В. Ломоносова, социологический факультет, г. Москва

SURVEILLANCE STUDIES: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Surveillance Studies (исследования надзора) — бурно развивающаяся последние 20 лет междисциплинарная отрасль научных исследований, направленная на изучение форм сбора информации о гражданах, осуществляемых государством, бизнес-организациями или другими акторами в условиях современного технологизированного общества. Повышенное внимание научного сообщества и обычных людей к этой проблематике инициировали события теракта 11 сентября [2], оглашение фактов государственного надзора Э. Сноуденом и организацией WikiLeaks.

Современное общество, отдельные его системы и структурные элементы поглощают личную информацию субъектов, а каждый из нас осознанно или неосознанно, произвольно или непроизвольно, добровольно или нет этой информацией делится [1]. Документы, удостоверяющие личность, бонусные карты, медицинские документы, cookie-файлы, личные профили в социальных сетях — всё это ресурсы для хранения и обработки персональной информации. Банковские организации регулярно контролируют финансовые операции для предотвращения мошенничества. Наши предпочтения отслеживаются программами лояльности для реализации будущих маркетинговых кампаний. Навигаторы и агрегаторы такси видят маршруты своих пользователей для оценки загруженности дорог. Государство собирает личную информации для осуществления регулирования и контроля.

Теоретические и методологические ориентации Surveillance Studies сформировались под воздействием христианского богословия, философов, классических и современных социологов [4, 734]. В Ветхом Завете Бог описывается как «бдящее око», потенциально гневующееся, защищающее или любящее. Эта концепция является ранним осмыслением нисходящего контроля. Тот же властный нисходящий контроль, социальный и преимущественно формальный, рассматривается в более поздних текстах, принадлежащих Т. Гоббсу, Ж.-Ж. Руссо, И. Бенхаму, Ф. Ницше, где государство предстает «левиафа-

ном», поглощающим делегированную гражданам свободу. К первым примерам социологического осмысления феномена государственного контроля можно отнести теории К. Маркса, М. Вебера, Ф. Тейлора, описывающие государство как институт надзирающий, карающий или награждающий в целях регуляции и сохранения целостности. Современную социологию проблема государственного контроля и надзора начала интересовать примерно с 1950-х годов, после возрастания осведомленности о нарушениях прав человека в колониальных, фашистских, коммунистических государствах и антидемократическом поведении в демократических обществах. Так, основными социологическими концепциями, предложившими методологические основы рассмотрения государственных надзора и контроля, стали «дисциплинарное общество» М. Фуко, «общество надзора» Г. Маркса, «общество контроля» Ж. Делёза, «текущая современность» З. Баумана, «общество безопасности» Д. Лиона и др. [4, 733].

Основой категориального аппарата является термин «общество надзора» (*surveillance society*) — общество с развитой системой технологий, социальных институтов, органов и организаций, осуществляющих сбор информации об отдельных субъектах. При этом мы должны понимать, что надзор (*surveillance*) при такой трактовке является лишь одной из прочих характеристик обществ, фактически представляя собой социальный институт, вплетенный в ткань других процессов [4, 734]: социального контроля, социального управления, коммуникации, идентичности, потребления, образа жизни и др.

Становление общества надзора имеет объективные предпосылки, оказавшие необратимое и всепроникающее воздействие на общество, его институты, структуру коммуникации и повседневные практики. Ставшее уже тривиальным утверждение о глубокой трансформации социальной реальности можно рассматривать в двух направлениях: изменение социальности, породившей острую потребность в надзоре, и появление у организаций возможности этот надзор осуществлять.

Цифровизация, информатизация, рост численности населения, глобализация, атомизация индивидов, либерализация, мировоззренческая и поведенческая плюрализация, усиление мобильности сотворили современный нам мир. Сегодня социальная реальность состоит из высокоиндивидуализированных субъектов, мыслящих, оценивающих и ведущих себя совершенно непохожими друг на друга способами, пользующихся своим абсолютным правом на «инаковость».

Свое значение потеряли пространственные и социальные ограничения, позволяя индивиду находиться в состоянии перманентной мобильности. Общество освоило новые пространства, открыв новые способы действия и новые формы отношений. Эти условия задают тренд на сокращение объема неформальных норм и увеличение формальных, возникает потребность в выработке новых форм социального контроля над новым разнородным и динамичным обществом.

С другой стороны, у организаций появились технические и финансовые возможности осуществления надзора. Возникли электронные средства аудиозаписи, видеозаписи, алгоритмы анализа big data и, что важно, доступные источники информации. Новые корпорации платформенного типа смогли привлечь ресурсы для создания систем надзора.

В настоящий момент Surveillance Studies в основном сконцентрированы на исследовании технических способов сбора и анализа информации и их законности, политики компаний и государств, этических вопросов соотношения надзора и приватности, психологических аспектах, вычленении позитивных и деструктивных последствий [3, 685]. При этом как теории, так и эмпирические исследования «общества надзора» уделяют мало внимания вариации в практике наблюдения, не дают адекватного определения «общества надзора» и не идентифицируют его компоненты, которые позволяли бы отличать одни формы от других, проводить сравнения между различными видами и условиями их использования [4, 735]. В преодолении этих ограничений, вероятно, и кроются перспективы Surveillance Studies.

Литература

1. An introduction to the surveillance society [Электронный ресурс]. URL: https://www.surveillance-studies.net/?page_id=119. (дата обращения: 17.11.2020).
2. Ball, K., Haggerty, K., Lyon, D. 2012. Handbook of Surveillance Studies. Routledge, New York. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/6778392/Routledge_Handbook_of_Surveillance_Studies. (дата обращения: 17.11.2020).
3. Ellis D., Harper D. Experiencing the «surveillance society» // The psychologist. — 2016. — № 9 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/308585295_Experiencing_the_'surveillance_society' (дата обращения: 17.11.2020).
4. Marx G. T. Surveillance Studies. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences // Int. Encycl. Soc. Behav. Sci. — 2015. — Vol. 23. — P. 733–741.

*Николаева Алина Дмитриевна,
Шайхиева Алина Мунировна*

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ЦИФРОВАЯ ОТКРЫТОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТА (ИССЛЕДОВАНИЕ АККАУНТОВ «ВКОНТАКТЕ»)

Непрерывная трансформация реальности требует внимания к современным способам коммуникации, чтобы выработать тактики управления коммуникативными процессами и способы их анализа. Популярным пространством для коммуникации являются сегодня социальные сети. Аккаунт в сети подобен анкете, аналогу из прошлого, позволяет узнать основную информацию о человеке [1]. Нужно понимать, что существует особая ответственность за размещаемые данные и публикации в интернете. Мы решили сравнить аккаунты учителей начальных классов и преподавателей университета, так как считаем, что их аудитории в реальном и онлайн-мирах сильно разнятся из-за различных факторов (в первую очередь из-за возраста обучающихся), и это может представлять интерес для социологического исследования.

Цель исследования: анализ различий и сходств поведения в социальной сети «ВКонтакте» учителей начальных классов и преподавателей университета на основе цифровых следов с помощью социологических методов сбора информации — наблюдения и контент-анализа. Объекты исследования: аккаунты учителей и преподавателей в социальной сети «ВКонтакте», предметный фокус — особенности информации на страницах «ВК» у представителей двух профессиональных групп — учителей и университетских преподавателей. В ходе исследования мы рассматривали характер и количество персональных данных, находящихся в открытом доступе на страницах пользователей.

Для исследования мы взяли аккаунты преподавателей социологического факультета СПбГУ. Для анализа страниц учителей начальных классов мы просмотрели списки преподавательских составов трех школ города Туймазы, в котором училась и жила одна из авторов исследования.

Со страниц учителей и преподавателей были взяты записи последнего года. За основу брали классификацию постов из статьи «Возможности и опыт применения компьютерных инструментов в анализе цифровых следов студентов — пользователей социальной сети» [3]. Также мы опирались на работу «Контент-анализ страниц активных пользователей социальной сети “ВКонтакте”» [4]. Для сравнения информации мы взяли следующие смысловые единицы изучаемого содержания:

- конкретные (информация о себе; фотографии);
- обобщенные (нецензурная лексика; демонстрация пристрастий к табаку; демонстрация пристрастий к алкоголю).

Среди списков трех школ мы нашли 31 страницу учителей начальных классов в социальной сети «ВК», из которых 17 оказались открытыми и доступными для анализа [2]. Тринадцать закрытых профилей не анализировались.

Анализ показал, что больше половины (65 %) учителей начальных классов с открытыми страницами разместили в аккаунтах подробную информацию о себе. Если брать все аккаунты (31), то лишь 3 5% учителей поделились данными о себе. Например, датой рождения, местом жительства, работы и т .д.

Демонстрация нецензурной лексики была выявлена в двух аккаунтах, демонстрация табака в — одном, а демонстрации алкоголя среди всех разделов не обнаружено. Из этого следует, что учителя начальных классов внимательно относятся к аккаунтам и не размещают провокативной, компрометирующей информации.

Проанализировав публикации 17 открытых аккаунтов учителей, можно заметить, что их контент схож по содержанию и направленности. Всего постов за последний год среди открытых страниц 1820. Большинство (97 %) можно отнести к классу «ссылочный» по критерию «информационность». Далее по количеству публикаций класс «личный», в котором около 1,5 % постов, и в класс «событийный» попали 0,8 % постов.

Выделить критерии «эмоциональность» и «побудительность» среди публикаций было проблематично, так как учителя начальных классов на страницах выкладывали малое количество информации о себе. Так, позитивных постов оказалось 6, негативных — 0, поздравительных — 4. Также малое количество публикаций отнесено к критерию «побудительность», выделили по одному посту благотворительного, продающего и побудительного характера.

Среди преподавателей университета большое количество информации найдено у пользователей с открытыми аккаунтами (64 %) и у 59 % среди всех. Чаще указаны место работы, город и день рождения. Табак был замечен у пяти пользователей, демонстрация алкоголя у 12 человек, а нецензурная лексика — у одного.

Разобрав все публикации за последний год (1707 среди 25 аккаунтов), найдено 399 постов личного характера (23 %), 1226 репостов (72 %), среди которых больше всего новостных ссылок и учебной литературы, 40 событийных записей (2 %) и 42 цитатно/рассуждательные записи (2 %). По «эмоциональному» критерию выделено: позитивных — 6, негативных — 2, поздравительных — 35. Записей «побудительного» характера, а именно благотворительных постов — 12, побудительных к действию — 12, а продающих нет.

Результаты и выводы.

На данный момент больше всего общедоступной информации среди профилей преподавателей университета. Только двое сделали страницы закрытыми, а среди учителей таких страниц 13. Также преподаватели университета более свободны в высказываниях и информации, которой они делятся.

Литература

1. Дудина В. И. Цифровые данные — потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. — 2016. — № 9. — С. 21–30.
2. Коршунов А., Белобородов И., Бузун Н., Аванесов В., Пастухов Р., Чихрадзе К., Козлов И., Гомзин А., Андрианов И., Сысоев А., Ипатов С., Филоненко И., Чуприна К., Турдаков Д., Кузнецов С. Анализ социальных сетей: методы и приложения // Труды ИСП РАН. — 2014. — № 1.
3. Тулупьева Т. В., Суворова А. В., Азаров А. А., Тулупьев А. Л., Бордовская Н. В. Возможности и опыт применения компьютерных инструментов в анализе цифровых следов студентов — пользователей социальной сети // Компьютерные инструменты в образовании. — 2015. — № 5. — С. 3–13.
4. Черемисова И. В. Контент-анализ страниц активных пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 11 Естественные науки. — 2016. — № 2 (16). — С. 74–80.

*Гусева Ксения Андреевна,
Кузнецова Анастасия Алексеевна,
Мошкина Анна Олеговна*

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДПИСОК ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СПБГУ НА ОНЛАЙН- СООБЩЕСТВА «ВКОНТАКТЕ»

Введение

Проникновение интернета во все сферы человеческой жизни является уже неоспоримым фактом. Ежедневно каждый пользователь Сети делает множество запросов, просматривает десятки, а то и сотни веб-страниц, публикует информацию о себе, своей семье и работе. Благодаря этим действиям пользователь, незаметно для себя, оставляет за собой электронно-цифровой след [1, 163], который за все время использования им интернета может исчисляться гигабайтами несортированных данных.

Особый интерес для исследования представляет цифровой след, оставляемый пользователями в социальных сетях, так как он несет в себе отпечатки особенностей личности человека, а значит, на основе анализа профиля социальной сети можно строить предположения об особенностях личности и соответственно прогнозировать социальное поведение [2, 3]. Анализ онлайн-сообществ в социальных сетях, членом которых является пользователь, помогает лучше понять человека, обозначить круги его общения, выделить интересы [3, 199].

Целью нашего исследования являлось сравнение цифровых следов преподавателей факультетов социологии, биологии и журналистики СПбГУ, а именно их подписок на сообщества в социальной сети. По данным Brand Analytics [4], «ВКонтакте» является самой популярной социальной сетью в России на данный момент, поэтому объектом исследования являются сообщества преподавателей именно в данной социальной сети.

Ход исследования

Выбор факультетов был обусловлен желанием провести сравнение интересов преподавателей, направление научных интересов которых различно. Именно поэтому были выбраны представители естественных, социальных и гуманитарных наук.

Для исследования были отобраны страницы шести представителей каждого факультета: по три представителя мужского и женского пола, чтобы найти зависимость между предпочтениями тематики сообществ и пола.

Далее проведен анализ подписок на сообщества каждого из пользователей с последующим распределением на 14 категорий: «Юмор», «Политика», «Наука/образование», «Работа», «Религия», «Эстетика», «Новости», «Путешествия», «Культура/искусство/досуг», «Санкт-Петербург», «Сообщества, связанные с местом жительства», «Публицистика», «Люди», «Товары и услуги».

Также отдельно были выделены подписки на сообщества, непосредственно связанные с местом работы и научной деятельности, то есть с СПбГУ, с целью определить, насколько сильно преподаватели связывают и ассоциируют себя со своей работой.

Результаты распределения на категории занесены в таблицы и преобразованы в диаграммы с целью более наглядно показать главные тенденции и особенности, выявленные в процессе анализа (рис. 1, 2, 3).

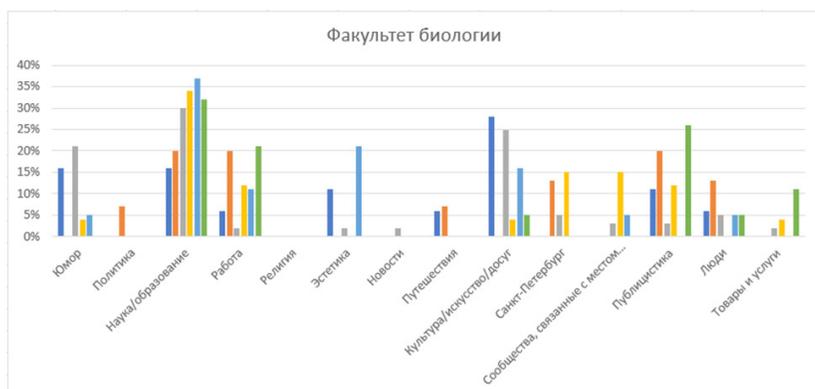

Рис. 1. Распределение подписок по тематике сообществ среди преподавателей факультета биологии

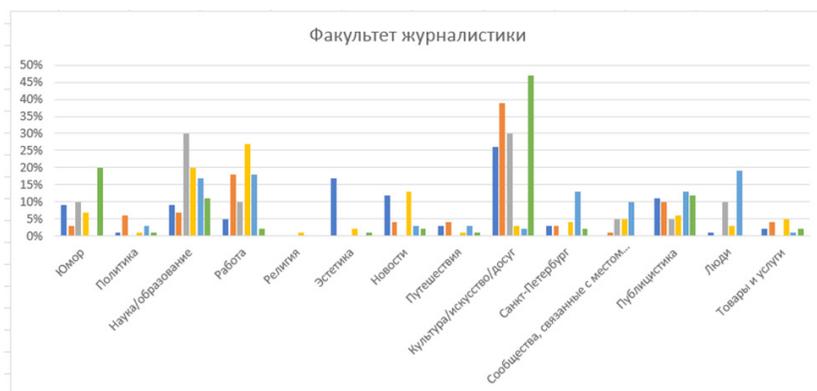

Рис. 2. Распределение подписок по тематике сообществ среди преподавателей факультета журналистики

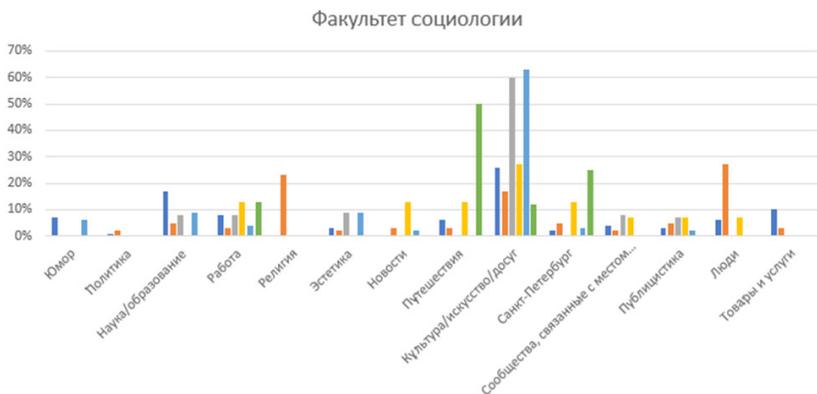

Рис. 3. Распределение подписок по тематике сообществ среди преподавателей факультета социологии

Результаты исследования

Наиболее популярные тематики:

- При анализе тематик сообществ были выявлены две тематики, встречающиеся у всех преподавателей на всех факультетах — это «наука/образование» и «работа».

- Популярна на всех факультетах также тематика «культура/искусство/досуг».
- На факультете биологии популярными темами являются «публицистика» и «юмор».
- На факультете журналистики популярной является также «публицистика».
- На факультете социологии популярны тематика «путешествия», «Санкт-Петербург» и «люди».
- У всех преподавателей также имеются сообщества, связанные непосредственно с СПбГУ.

Наименее популярные тематика:

- Наименее популярная тематика среди преподавателей всех факультетов — «политика».
- Представители факультетов биологии и социологии имеют малое количество подписок по тематике «новости», а биологии и журналистики по тематике «путешествия».
- Также достаточно непопулярная тематика среди преподавателей факультета журналистики — это «религия», у преподавателей факультета биологии она отсутствует совсем.

Гендерные особенности

Особенности подписок мужчин-пользователей:

- «Культура\искусство/досуг», «наука/образование» — наиболее популярные тематика.
- На факультетах биологии и журналистики также отдают предпочтение «публицистике». На факультете социологии — «путешествиям».
- Для преподавателей мужского пола факультетов журналистики и биологии общей наименее популярной является тематика «товары и услуги», для факультетов биологии и социологии — «сообщества, связанные с местом жительства».

Особенности женщин:

- Так же, как и у мужчин, наблюдается популярность тематик «культура/искусство/досуг» и «наука/образование».
- Среди преподавателей факультетов биологии и журналистики можно заметить популярность темы «работа», а на факультете социологии отдают предпочтение теме «люди».

- У преподавателей факультета биологии женского пола полностью отсутствуют подписки по тематикам «новости», «путешествия» и «политика».
- У представительниц факультетов журналистики и социологии мало подписок по тематике «эстетика».

Заключение

Опираясь на полученные нами данные, можно сказать, что социальная сеть «ВКонтакте» используется как в рабочих целях, так и в личных всеми преподавателями, независимо от факультета или пола. Также можно проследить тенденцию: преподаватели одного факультета имеют схожие интересы и преобладающие тематики в подписках на группы в социальной сети «ВКонтакте». Стоит отметить, что тематика подписок может зависеть и от личных интересов преподавателя и его внеучебной деятельности. При этом все проанализированные нами преподаватели отмечают свою принадлежность к деятельности СПбГУ посредством подписок на университетские сообщества.

Также идентифицировать все профили как принадлежащие преподавателям можно благодаря высокой популярности тематик «наука\образование» и «работа» и в то же время низкой популярности тематики «политика», что может говорить о нежелании преподавателей афишировать свои политические взгляды в социальных сетях.

Литература

1. Лушин Е. А. О термине «электронно-цифровые следы» // Расследование преступлений: проблемы и пути решения. — 2017. — № 4 (18). — С. 161–163.
2. Тулупьева Т. В., Суворова А. В., Азаров А. А., Тулупьев А. Л., Бордовская Н. В. Возможности и опыт применения компьютерных инструментов в анализе цифровых следов студентов — пользователей социальных сетей // Компьютерные инструменты в образовании. — 2015. — № 5. — С. 3–13.
3. Чеповский А. М., Соколова Т. В. Задача анализа профилей пользователей социальных сетей // Сб. трудов Международной научной конференции SCVRT2017. — М.: Протвино: Институт физико-технической информатики, 2017. — С. 198–201.
4. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019 // Brand Analytics. — URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/> (дата обращения: 04.11.2020).

С Е К Ц И Я 4 .

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Левицкая Александра Николаевна

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КАДРЫ ИЛИ ЛЮДИ?

В советском управленческом дискурсе были широко распространены такие понятия, как «кадры», «кадровый ресурс», «рабочая сила», имевшие отношение к профессиональному потенциалу человека [4, 24]. Однако в то время этот потенциал принято было рассматривать как функцию [10, 101], которая способна закрыть один из участков рабочего процесса. К концу XX века возникает и оформляется в российском научном и профессиональном сообществе понятие «человеческий капитал» [8, 134], что свидетельствует о возросшем интересе к качественным характеристикам работающих.

Предпосылкой для появления дискуссии о человеческом капитале становится запрос на формирование инновационной экономики постиндустриального и информационного обществ, в которых роль специалистов и работников интеллектуального труда выросла колоссально, а роль и доля неквалифицированного труда, напротив, снизилась [14, 710].

Автор настоящей статьи поднимает проблему разграничения понятий человеческого капитала и кадрового ресурса, а также ставит перед собой цель обосновать актуальность «поворота» к человеческому капиталу для формирующегося в России общества знаний [1, 155].

Важно определить все понятия, которые так или иначе связаны с вовлечением человека в трудовые отношения. Под рабочей силой принято понимать как общее количество людей, готовых работать по найму [12, 17], так и способность человека к труду, совокупность физических и духовных способностей, которые человек использует в своей трудовой деятельности [7, 111]. Понятие «рабочая сила» является наиболее обобщенным, характеризующим весь рынок труда.

Словом «кадры» принято обозначать социально-экономическую общность, к которой относятся все обладатели рабочей силы, трудоустроенные на предприятии, состоящие с ним в формальной связи и обладающие необходимой квалификацией. Это обезличенные субъекты правоотношений, которые занимают определенные вакансии в настоящий момент [5, 22]. Кадровые ресурсы организации включают в себя всех ее работников, которые вносят свой вклад в деятельность организации [6, 219].

Понятие «персонал» включает в себя совокупность трудовых ресурсов, входящих в состав предприятия и занятых в процессах его работы [2, 94].

Человеческий капитал представляет собой совокупность знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом [11, 69]. Впервые термин использовал Теодор Шульц, а его последователь — Гэри Беккер развил эту идею, обосновав эффективность вложений в человеческий капитал и сформулировав экономический подход к поведению организаций и физических лиц:

- способности, знания, профессиональные навыки, мотивация становятся капиталом в момент купли-продажи рабочей силы, найма на работу или получения вознаграждения исполнителем работы;
- рост человеческого капитала должен способствовать росту производительности труда и производства;
- целесообразное использование капитала должно вести к росту доходов работников;
- рост доходов стимулирует работника делать вложения в здоровье, образование для повышения запаса знаний и навыков, чтобы затем эффективно применить их [3, 7].

Живя в глобальном мире, российское общество, несмотря на присущую ему потребность следования традициям [13, 217], не может оставаться в стороне от современных тенденций. Российские

управленцы сегодня также уделяют внимание человеку как носителю знаний и потенциалу для развития страны. Исследователи говорят о том, что в России, как и в большинстве развитых стран, снижается доля товарного производства, уступая производству интеллектуального продукта, они же приводят в пример российский курс на цифровизацию, развитие нанотехнологий, открытие инновационных научных центров, развитие медицины (как частный пример, низкая доля смертности от COVID-19, по сравнению со многими ведущими экономиками), что является безусловным свидетельством в пользу роста человеческого капитала и выводит его на первый план в качестве ресурса для нашего будущего.

Однако существует и иной взгляд на эту ситуацию, сторонники которого озвучивают мысль, что любые инновационные мировые тенденции в той или иной степени поддерживаются в столице РФ и городах-миллионерах [9, 35], но практически не проникают в малые города и сельскую местность, где условия жизни российского населения по-прежнему далеки не только от инновационных, но даже от минимально комфортных, что не способствует развитию интеллектуального потенциала людей. Также адепты такой точки зрения делают акцент на том, что превращение кадрового ресурса в человеческий капитал в условиях снижения качества российского образования, полученного в результате образовательных реформ, практически невозможно.

Автор настоящей статьи полагает, что инновационные процессы не могут протекать во всех регионах с одинаковой скоростью, а период перехода к обществу знаний для России может стать более длительным, чем для других экономик, в силу как объективных социально-экономических причин, так и под влиянием культурных особенностей трудовых отношений.

Литература

1. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н., Голохвастов Д. В. Развитие молодежной политики и студенческого предпринимательства для построения экономики знаний в евразийском пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2018. — № 3. — С. 152–157.
2. Базаров Т. Ю. Управление персоналом. — М.: Академия, 2018. — 224 с.
3. Зуев А. Интеллектуальный капитал / А. Зуев, Л. Мясникова // Альманах «Восток». — 2004. — № 2 (14). — С. 4–13.

4. Дорошенко Н. Н., Капица С. И., Покровская Н. Н. Модернизация социальной политики государства и реформирование социально-управленческих технологий // Социология и право. — 2013. — № 4 (21). — С. 20–35.
5. Калугина Т. Г. Система подготовки рабочих кадров: точки роста // Инновационное развитие профессионального образования. — 2019. — № 3 (23). — С. 13–25.
6. Клюев К. В. Управление кадровыми ресурсами предприятий: инновационный подход // Качество управленческих кадров и экономическая безопасность организации. — 2019. — С. 218–221.
7. Маркс К. Капитал. Т. 1; Реалии. — М., 2008. — 737 с.
8. Покровская Н. Н. Рациональность экономического поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2007. — Т. 9. — № 46. — С. 128–137.
9. Покровская Н. Н. Ресурс времени в трудовых отношениях (график работы и нормативная культура работников) // Труд и социальные отношения. — 2008. — № 1. — С. 31–37.
10. Покровская Н. Н. Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. — 2014. — № 2 (69). — С. 100–108.
11. Покровская Н. Н., Бойко С. В., Тамбиев С. Г. Труд и человеческий капитал // Научная мысль. — 2019. — Т. 8. — № 2 (32). — С. 65–71.
12. Тетюхина Е. П. Показатели наличия, движения, использования рабочей силы и фондов рабочего времени // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. — 2019. — С. 13–20.
13. Черняк М. В. Сущность человеческого капитала // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробации результатов исследований. — 2016. — №22. — С. 216–221.
14. Pokrovskaja N. N. Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation // proceedings of 2017 xx ieee international conference on soft computing and measurements (scm). — 2017. — P. 709–712.

Шакирова Маргарита Радиевна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИФИКИ РЫНКА ТРУДА ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Вопрос трудоустройства не теряет свою актуальность на протяжении всей трудовой карьеры человека. Для того чтобы занять самое выгодное и удобное рабочее место, необходимо знать основных игроков рынка труда, уровень конкуренции, основные правила, согласно которым происходит процесс трудоустройства. И если опытный работник уже имеет об этом представление, то студент или недавний выпускник не всегда может собрать эту информацию своими силами. Актуальность данного исследования объясняется важностью накопления и упорядочения подобных данных. Исследование также направлено на выявление факторов, способствующих трудоустройству выпускников.

В качестве главного исследовательского ориентира было выбрано исследование специфики трудоустройства выпускников очного отделения социологического факультета СПбГУ Н. В. Иванова [2, 1179], так как все остальные исследования, например, такие, как работа Э. С. Восканян [1, 29] о проблемах трудоустройства социологов, в конечном счете так или иначе ссылаются на исследование Н. В. Иванова.

В результате проведенного количественного исследования с помощью онлайн-анкетирования (ГС — все активные пользователи социальной сети «ВКонтакте»), указавшие в графе «Образование» факт окончания социологического факультета одного из российских вузов = 21596, N = 103, тип выборки — случайная), а также анализа базы данных вакансий интернет-портала по поиску работы www.HeadHunter.com [3] были получены следующие результаты:

1) В рамках изучения социальной составляющей рынка труда были выявлены основные типы работодателей, таковыми являются а) предоставляющие услуги другим компаниям специализированные организации, деятельность которых связана с опросами, консалтингом и т. п., и б) компании, производящие какой-либо свой продукт, не связанный с описанными профессиональными сферами, пребывающие в поиске определенного специалиста.

Описаны характеристики социальной группы выпускников социологических факультетов российских вузов: большинство из них (более 76 %) — девушки; которые на каком-либо из уровней владеют английским языком и имеют регулярный заработок; как минимум 47 % выпускников хоть раз меняли сферу занятости; наиболее популярные сферы занятости выпускников социологических факультетов российских вузов это маркетинг, административный персонал, кадровая сфера, наука и образование, сфера продаж, реклама/PR и информационные технологии. Их наиболее предпочитаемый способ поиска работы — использование специализированных интернет-порталов.

2) В рамках изучения институциональной структуры рынка труда были описаны основные требования, предъявляемые к потенциальным работникам с высшим социологическим образованием. Общими требованиями, встречающимися почти во всех вакансиях, были опыт работы (чаще всего от трех лет), владение английским языком и умение анализировать данные. Для работы в маркетинге от социолога требовались методологические навыки проведения количественных и качественных исследований, знание основных статистических пакетов. Также из-за того, что в сфере маркетинга высок процент компаний, работающих на международном уровне, степень владения английским языком редко опускается ниже уровня *intermediate*. Желая работать маркетологом, выпускник социологического факультета вынужден конкурировать с выпускниками экономических и маркетинговых специальностей. Для работы в сфере управления персоналом соискатель также должен уметь работать с большими объемами информации, и он должен понимать социологию малых групп. В данной сфере занятости выпускник-социолог будет конкурировать с выпускниками-психологами и выпускниками с образованием в сфере управления персоналом. Требования для работы в сфере науки и образования разнятся из-за большого разнообразия должностей, однако можно выделить следующие основные характеристики востребованного соискателя: высшее социологическое образование (требуемая ученая степень зависит от должности), наличие публикаций и участия в конференциях, знание методики преподавания и ведения преподавательской деятельности (для преподавателя), знание функций статистических пакетов, умение анализировать большие объемы информации, углубленные знания о проведении количественных и качественных социологических ис-

следований (для исследователя в исследовательский центр). Сфера информационных технологий относительно нова для социологов. В этой сфере прежде всего востребованы навыки программирования, умение работать с базами данных, знание статистики и математики. Здесь социологи конкурируют с математиками, маркетологами, специалистами в области статистики и экономики.

Наиболее популярные практики оформления трудовых отношений на исследуемом рынке труда: на первом месте — бессрочный трудовой договор (частота заключения — минимум 42 %), на втором месте — срочный трудовой договор (частота заключения — минимум 10 %). Остальные практики оформления трудовых отношений встречаются в менее 10 % случаев. Также была исследована частота использования практики заключения устных договоренностей между работником и работодателем, она составляет как минимум 40 %, основные типы договоренностей — договоренность о режиме работы, о времени отпусков и об оплате труда.

Литература

1. Восканян Э. С. Карьера социолога: проблемы трудоустройства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2015. — Т. 15. — Вып. 2. — С. 29–34.
2. Иванов Н. В. Специфика трудоустройства выпускников факультета социологии СПбГУ // Пятые Ковалевские чтения: материалы науч.-практ. конф. 12-13 ноября 2010 г. / отв. ред. Ю. В. Асочаков. — СПб.: Скифия-принт, 2010. — С. 1179.
3. Интернет-портал по поиску работы HeadHunter. — URL: https://hh.ru/search/vacancy?L_save_area=true&clusters=true&enable_snippets=true&text=%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3&showClusters=true. (дата обращения: 11.04.2020).

Агеева Александра Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РЫНКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Данная статья состоит из трех основных блоков. Первый блок характеризует современный рынок социологических и, шире, социальных исследований, описывает его возможности и угрозы. Второй блок включает в себя обзор базовых компетенций исследователей. В третьем блоке перечислены специфические навыки и области знаний, которые необходимы в проведении исследований, междисциплинарных в том числе, а также показаны различия между зарубежной и отечественной системой компетенций.

Блок 1. Для начала рассмотрим современный рынок исследований, его возможности и угрозы. Самые актуальные навыки на рынке исследований — это проведение личных интервью и онлайн-опросов (количественные), а также фокус-групп и глубинных интервью (качественные). Также стоит обратить внимание на сектор анализа вторичных данных, доля которого увеличивается последние несколько лет. Сегодня актуально проведение недорогих исследований с использованием технологий, а также проведение масштабных исследований и исследований для малого бизнеса [3]. Также существует возможность более широкого анализа социальных сетей и сфер деятельности, которые на данный момент далеки от социологии, но уже сейчас появляются возможности для интеграции. Среди угроз для исследовательской социологической сферы стоит отметить, что компании либо имеют запрос на недорогие и простые исследования, либо проводят их самостоятельно без обращения в исследовательские фирмы. Помимо этого, существует проблема дефицита квалифицированных специалистов: выпускников университетов необходимо доучивать, а нынешние специалисты также не всегда владеют навыками использования новых технологий для проведения исследований [1, 111].

Блок 2. Рассмотрим базовые компетенции исследователей на современном рынке труда. Согласно анализу рынка труда в области исследований, как в России, так и за рубежом наиболее часто встречающиеся требуемые навыки это: использование MS Office (Word, Excel, PowerPoint); использование статистических программ (SPSS,

Stata, SAS, R, Python) и знание статистики; навыки проведения исследований от начала до конца (качественных и/или количественных, в том числе написание отчетов и презентация); навыки работы с базами данных (SQL); навыки работы с инструментами визуализации. Также встречаются навыки управления проектами, например работа по agile и scrum. Среди необходимых soft skills чаще всего встречались: умение работать с большими объемами информации, организационные навыки, умение работать в режиме многозадачности, системное мышление и аналитический склад ума, умение работать как самостоятельно, так и в команде [5].

По материалам публикаций о социологическом образовании мы видим, как студенты отмечают, что им не хватает навыков работы со статистическими программами, прикладных навыков проведения исследований, а также они чувствуют дефицит профориентационной информации: как найти работу, как писать резюме и прочее [4].

Блок 3. Что касается специфических навыков и областей знания для исследователей, то стоит отметить, что в России и за рубежом разное отношение к компетенциям специалистов и к формированию описаний вакансий. Европейская рамка исследовательской карьеры выделяет необходимые, связанные с высоким уровнем исследований и желательные компетенции, которые могут быть применимы в широком диапазоне профессий. Таким образом, у исследователя нет жесткой привязки к профессии, лучше развиваются междисциплинарные исследования [2, 8]. В России Национальная система квалификаций в области науки до сих пор до конца не определена и не формализована. Также в России идет более сильная «привязка» полученного образования к профессии, а не к компетенциям [2, 18]. Например, в вакансиях очень часто определено конкретное направление полученного образования, которое чаще всего не социология, но при этом обязанности лежат в сфере компетенций социолога. Также стоит отметить, что в Европе и США существует большое количество фондов, общественных организаций, которые занимаются проведением исследований, чаще всего по грантам. Рынок социологических исследований в России возник позже, чем в США, Европе, Азии; до начала 90-х годов XX века он принадлежал исключительно государству в лице его производственных или академических агентов. Сейчас же в России большая часть проводимых исследований — коммерческие, маркетинговые. При этом социальные иссле-

дования организуются при доминировании государства, в основном социологическими центрами и университетами [1, 115].

Наиболее часто встречаемые области междисциплинарных исследований, в которых могут работать (и работают) социологи в США и Европе: криминология, расовые и этнические отношения, правосудие (criminal justice), медицина (Public health, global health), класс и гендер, экология, политика (Public policy), образование. В России часто встречаемые области междисциплинарных исследований: экономические исследования, медицина (Public health, global health), политика.

Таким образом, можно сказать, что в силу сложившихся различных систем образования и рынка исследований подход к компетенциям, квалификации и соответствия профессии отличаются в России и за рубежом. В США и Европе более развиты междисциплинарные исследования, в которых привлечены социологи, и области проведения исследований более широкие: от экономики и политики до медицины и криминологии.

Литература:

1. Дулина Н. В., Звоновский В. Б., Токарев В. В. Рынок социологических и маркетинговых исследований в России: состояние, динамика, прогноз // Социологические исследования. — 2017. — № 12. — С. 110–123.
2. Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Коллективная монография / отв. ред. Е. В. Караваева. — М.: Издательство «Геоинфо», 2018. — 240 с.
3. Состояние рынка социологических и маркетинговых исследований в 2018 году. [Электронный ресурс]. — URL: <http://st.oirom.ru/articles/report2018.pdf> (дата обращения: 20.08.2020)
4. Jobs, careers and sociological skills: the early employment experiences of 2012 sociology majors. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.asanet.org/research-and-publications/research-sociology/research-briefs/jobs-careers-sociological-skills-early-employment-experiences-2012-sociology-majors> (дата обращения: 21.08.2020).
5. Preparing for a 21st Century Job Hunt with a BA in Sociology. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.asanet.org/sites/default/files/footnotes_mar-april16.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

Полетаева Алла Геннадиевна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ И ЗА ИХ ПРЕДЕЛАМИ

Институциональный подход в сочетании с системным позволяет рассматривать образование в условиях города как элемент системы общественных отношений, взаимодействующий с другими ее элементами, выявлять его связи с производством, наукой, культурой, другими социальными институтами, системами и подсистемами, анализировать их структурно-функциональные взаимодействия. Анализ устойчивых и динамичных форм организации взаимодействий образовательных общностей в городе дает возможность выявлять организационный потенциал развития как образования в виде новых элементов его структуры, так и элементов городской среды. В социальном пространстве системы образования образовательные общности выполняют функцию его ядра, занимая основные позиции в формировании интеллектуального, культурного, нравственного капитала образованного индивида. К этому можно отнести всех тех, кто участвует в создании, распределении, распространении и получении образовательных ресурсов [5].

Учащиеся школ российских мегаполисов (Москва и Санкт-Петербург) в большинстве своем считают необходимым для достижения жизненного успеха наличие высокой квалификации: высшего образования с дипломом бакалавра, специалиста, магистерской степени и т. п. Динамично развивающийся мегаполис усиливает динамику образовательных общностей. Слабо развивающийся мегаполис или тот, что не демонстрирует явных признаков динамики, оказывает негативное влияние на перспективы развития образовательных общностей и на поиск их нелинейного развития [7]. Таким образом, создание комфортной городской среды можно рассматривать как определяющий фактор повышения качества жизни людей в мегаполисах [2]. Эффективно сформированная институциональная среда является условием и фактором нелинейного развития образования и города как социальных институтов [8] [9].

Образовательные траектории встраиваются в социальные структуры, предоставляя людям различные ресурсы и возможности, и в то же время являются результатом принятия индивидуальных решений и сложных взаимодействий между учащимися и другими субъектами [1]. Один из наиболее важных аспектов, добавляющих сложность в процесс формирования образовательных траекторий, заключается в том, что время, которое молодые люди проводят в системе образования, не всегда столь линейно и однородно, каким его удобно было бы изобразить. Поступление в школу, изменения между уровнями школы и переход из школьного образования в последующие стадии представляют собой основные переходы, которые могут происходить более или менее успешно, что имеет последствия для самооценки обучающегося. Однако даже на этапах посещения школы происходят такие изменения, как смена школы из-за переезда, повторение школьных лет (в некоторых системах образования) и т. д. Исходя из этого исследователями было выявлено пять основных образовательных траекторий у молодежи [10].

Первую как «гладкую академическую» можно охарактеризовать так: линейное поступление в общеобразовательную среднюю школу без разрывов и в соответствии с собственными предпочтениями. Следующей, второй траекторией, называют «плавное профессиональное обучение»: линейное профессиональное старшее среднее образование или обучение без разрывов и в соответствии с собственными предпочтениями. Третья — прерывистый академический процесс: переход к общему старшему среднему образованию после более ранних разрывов и/или необходимости компромисса с собственными предпочтениями. Четвертая — прерывистое профессиональное образование: переход к профессионально-техническому старшему образованию или подготовке после более ранних разрывов и/или требования, компрометирующие собственные предпочтения. И пятая — промежуточная или исправительная: траектория, ведущая к дошкольным программам или подготовительным курсам после предыдущих разрывов и вопреки собственным предпочтениям. Очевидно, что данные траектории непосредственно связаны с системами образования и исходят из них [11].

В населенных пунктах, различающихся уровнем урбанизации, молодежь оценивает профессии не одинаково. Оценки, которые дает молодежь мегаполисов, детерминированы как неким хаотичным, эмоциональным спектром настроений и идей, так и отчасти рацио-

нальным взглядом на состояние занятости, основанным на информированности жителя крупного города [10]. Наиболее приоритетным является интерес к профессии как основной мотив к дальнейшему карьерному и образовательному развитию. У решивших поступать в профессиональные училища этот показатель имеет меньшую величину, чем у планирующих поступать в вузы, и еще несколько меньше — у тех, кто намерен учиться [3].

Согласно исследованию, проведенному Д. Л. Константиновским, молодым людям необходимо по большей части высшее образование. Во многом это может объясняться доступностью информации о рынке труда и карьерной мобильности, ростом стремления к восходящему виду последней, увеличением числа образовательных инициатив, развитием образовательной инфраструктуры в черте мегаполиса.

С точки зрения М.В. Дьяконовой и Т. П. Морозовой, можно выделить две наиболее стабильные категории молодежи: те, кто после окончания школы сразу трудоустроились, и те, кто трудоустроился после получения профессионального образования. В то же время у этих групп молодежи достаточно велика вероятность попадания в категорию незанятых или безработных. У группы, которая не смогла определиться после окончания школы и сразу попала в категорию незанятых и безработных, дальнейшие стратегии равновероятно связаны как с трудоустройством, так и с сохранением текущих неопределенных трудовых позиций. Важно подчеркнуть, что трудоустройство в этой категории молодежи носит крайне неустойчивый характер и свидетельствует об ограниченных возможностях социальной мобильности достаточно представительной группы молодежи.

В. А. Смирнов замечает, что продолжающаяся трансформация российского общества, разрушение традиционных социальных институтов, социальных лифтов, социализирующих практик ведут к появлению групп молодежи, чей успешный жизненный старт и включение в жизнедеятельность общества затруднены. Например, провинциальная молодежь оказывается в ситуации, когда общая эскалация риска в обществе усиливается за счет возрастания отдельных его категорий на периферии, а это в свою очередь приводит к искажению социальных траекторий молодого поколения, отчуждению его от базовых социальных практик и современных моделей жизненного пути. Развитие провинциальной молодежи, в отличие от городской, носит амбивалентный характер, который проявляется, с одной сто-

роны, в стремлении к социокультурным инновациям вслед за «глобальным» городом и мегаполисом, а с другой — в сохранении и воспроизводстве традиционных социальных практик, ментальных моделей, стилей жизни [6].

Провинция как особая социокультурная среда снижает возможности для успешной самореализации молодежи, оптимального жизненного старта, но сохраняет и воспроизводит наиболее релевантные в современных условиях модели сохранения культурных ценностей. В этом отношении для полноценной отдачи социальная траектория должна представлять производные системы взаимосвязанных элементов. В этой системе играет ключевую роль государство, сопровождая молодежь по социальной траектории, обеспечивая дополнительное образование и прохождение практики.

В населенных пунктах, различающихся уровнем урбанизации, молодежь оценивает профессии по-разному. Оценки, которые дает молодежь мегаполисов, детерминированы как неким хаотичным, эмоциональным спектром настроений и идей, так и отчасти рациональным взглядом на состояние занятости, основанным на информированности жителя крупного города. Наиболее приоритетным является интерес к профессии как основной мотив к дальнейшему карьерному и образовательному развитию [7].

Исследования образовательных и профессиональных траекторий молодежи базируются на общей концептуальной основе, согласно которой общественное поведение молодого человека является результатом сложного взаимодействия различных факторов, определяющих специфику личности и специфику внешних воздействий на нее [4]. В качестве наиболее значимых факторов рассматриваются социальное происхождение, культурный капитал в форме образовательного статуса родителей; экономический капитал родительской семьи в форме ее накоплений, доходов и др.; уровень урбанизации места жительства выпускника среднего учебного заведения, а также институциональные факторы, обусловленные особенностями различных учебных заведений и процессами модернизации российского образования.

Литература

1. Вдовина С. А., Кунгурова И. М. Сущность и направления реализации индивидуальной образовательной траектории [Электронный ресурс] //

- Науковедение, ноябрь–декабрь 2013. Вып. 6. Режим доступа: URL: <http://paukovede-nie.ru/PDF/40PVN613.pdf> (дата обращения 21.05.2020).
2. *Зборовский Г. Е.* Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе как объект социологического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2016. — № 4 (44). — С. 86–92.
 3. *Гребенев И. В., Пархоменко Т. Л.* Графическое представление индивидуальных образовательных траекторий // Педагогические исследования (??????)
 4. *Иванченко Г. В.* На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // Мир России. — 2005. — № 2. — С. 97–125.
 5. *Константиновский Д. Л.* Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). — М.: ЦСП, 2008. — 552 с.
 6. *Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А.* Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. — М.: ЦСП, 2011.
 7. *Константиновский Д. Л., Вахитайн В. С., Куракин Д. Ю.* Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. 2-е изд. — М.: ЦСП и М., 2013.
 8. *Носова Е. П.* Индивидуальная образовательная траектория: сущность и механизмы проявления // Педагогика. — 2007. — № 12. — С.138–144.
 9. *Чередниченко Г. А.* Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). — М., 2014. — С. 47–48.
 10. *Ciconato M.* Some reflections on the educational trajectories of migrant students in the European school systems // Forum Sociológico Série II, № 28, p. 19–25.
 11. *Gorard S., Rees G., Fevre R., Furlong J.* Life time learning trajectories: Close encounters of five kinds (working paper No. 7). Patterns of participation in adult education and training. Lancaster: Economic and Social Research Council (ESRC). 1997. No. 44.

*Евтеева Екатерина Сергеевна,
Киселева Анастасия Андреевна*

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ПРОВЕДЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ОСНОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ НАПРАВЛЕНИЯ «СОЦИОЛОГИЯ» СПбГУ)

Образовательный процесс как система регламентированных учебных мероприятий, основанных на взаимодействии студентов, преподавателей и администрации, направленных на усвоение студентом основных компетенций высшего образования [1], за последнее время претерпел ряд изменений, связанных с появлением новых тенденций в образовании, и прежде всего с установлением компетентностного подхода как ориентира для создания единой образовательной зоны в рамках Болонского процесса.

Переход к новому университету был ознаменован уходом от традиционной модели преподавания к демократической: педагог, ранее однозначно занимавший статус организатора образовательного процесса, теперь делит это место со студентом. Возник вопрос о том, как реализовать право голоса последнего. Ответом стали практики проведения опроса студентов в рамках оценки качества высшего образования на различных уровнях, включая как внутреннюю оценку образовательного процесса, так и внешнюю экспертизу [2].

Студентами социологической клиники прикладных исследований Санкт-Петербургского государственного университета было проведено исследование оценки качества образовательного процесса с применением метода фокус-группы.

Предварительно проведенный обзор научных публикаций позволил сформировать перечень критериев оценки качества образовательного процесса в рамках дисциплин основных образовательных программ направления «Социология» СПбГУ, состоящий из следующих тематических блоков, отражающих стороны образовательного процесса: оценка преподавания, оценка предоставляемых условий для работы студента в рамках дисциплины, а также оценка обеспе-

чения возможности для самостоятельной работы студента. Перечень критериев основывается на изученных в ходе обзора литературы элементах образовательного процесса и включает в себя:

1. подачу материала преподавателем;
2. осведомленность студентов о системе оценивания курса;
3. использование интерактивных методов в ходе освоения материала (виды, целесообразность использования и их эффективность в повышении вовлеченности студента в освоении дисциплины);
4. уровень посещаемости курса;
5. уместность формы освоения дисциплины;
6. своевременность дисциплины в учебном плане;
7. мотивацию студентов к освоению дисциплины;
8. доступность учебно-методических материалов;
9. полезность дисциплины;
10. оценку материально-технической базы дисциплины;
11. сложность курса и учебную нагрузку;
12. заинтересованность студента при освоении дисциплины (рекомендация дисциплины к освоению);
13. коммуникацию студента с преподавателем;
14. помощь преподавателя в самостоятельном освоении дисциплины студентом;
15. самооценивание студента как фактор сознательности участия в образовательном процессе.

Опираясь на данные критерии оценки качества образовательного процесса в рамках дисциплин, а также при условии отбора наиболее значимых из них для субъектов, заинтересованных в проведении оценки, возможно составление методики оценки качества образовательного процесса,

В ходе фокус-группы со студентами обсуждались критерии оценки качества образовательного процесса в рамках дисциплин, а также особенности процедуры проведения оценки качества образовательного процесса в рамках дисциплин основных образовательных программ направления «социология» СПбГУ. По итогам фокус-групп были выявлены следующие факторы, обеспечивающие успешность проведения оценки качества образовательного процесса:

1. Высокий уровень информированности студентов и преподавателей о необходимости и пользе оценки качества образовательного процесса;

2. Высокий уровень лояльности студентов и преподавателей к подобной форме обратной связи по итогам освоения дисциплин;
3. Соблюдение принципов конфиденциальности;
4. Регулярность и продолжительность проведения оценки качества образовательного процесса (каждый семестр).
5. Постоянное использование обучающимися и преподавателем личных кабинетов/учетных записей официальных электронных ресурсов Университета.

Также в ходе фокус-группы со студентами основных образовательных программ направления «социология» СПбГУ был определен метод онлайн-анкетирования как наиболее подходящий для проведения оценки качества образовательного процесса в рамках дисциплин.

В результате исследования была предложена методика оценки качества образовательного процесса в рамках дисциплин основных образовательных программ направления «социология» СПбГУ.

Литература

1. Аймалетдинов Т. А., Кузнецова И. Е. Социологическая оценка качества высшего образования: теоретико-методологические подходы к исследованию // Мониторинг. — 2013. — № 5 (117). — С. 3–12.
2. Зона Европейского Высшего Образования. Совместное заявление европейских министров образования. г. Болонья, 19 июня 1999 года. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/902071713> (дата обращения: 25.10.2020).

Жданович Дарья Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На протяжении всей своей истории человек постоянно производил и потреблял различные блага для удовлетворения своих потребностей. Сегодня потребление — это то, что определяет все остальные экономические процессы. Оно стало для людей значимой практикой, благодаря которой можно самовыражаться, отличаться от других и проявлять себя. Повышение интереса к моде и постоянно меняющимся технологиям, стремление к комфорту и удобству во всех сферах жизни придали потреблению не столько прагматичный, сколько символический характер. Таким образом, человек начал не только удовлетворять свои желания в обладании определенными благами, но и передавать с их помощью информацию о себе остальному миру.

Феномен потребления изучается уже более двух веков, но до сих пор остается популярным объектом исследований многих наук, среди которых особенно выделяются социология, экономика, психология.

На протяжении XIX века особую роль потреблению уделяли в своих работах такие ученые, как К. Маркс, М. Вебер, Т. Веблен, Г. Зиммель. Маркс отмечал непосредственную связь процесса потребления с производством, говоря о его производительном характере [5]. М. Вебер, в свою очередь, считал потребление различных благ наряду со стилем жизни основанием для выделения социальных групп в обществе [2].

Значительный вклад в изучение потребления внес Т. Веблен, который одним из первых обратил внимание на социальные функции потребления. Вводя понятие «демонстративное потребление», ученый подчеркивал, что приобретение товаров и их потребление мотивировано не истинными потребностями или необходимостью, а социальной значимостью данных товаров. Таким образом, главной целью потребления выступает выражение высокого социального статуса и поддержание репутации [3].

Схожие с Вебленом идеи разделял Г. Зиммель. Хотя ученый не был нацелен на анализ непосредственно потребления, в его трудах

рассматривались многие феномены, тесно связанные с процессом потребления. По мнению Г. Зиммеля, на потребление большое внимание оказывает мода, которая благодаря своему классовому характеру отделяет классы друг от друга и устанавливает различия между ними. Мода и культурные образы представителей высших слоев, включенные в механизм самоидентификации, подвергаются имитации в низших слоях, «просачиваясь» в них [4].

Стоит отметить, что К. Маркс, М. Вебер, Т. Веблен и Г. Зиммель рассматривали социально-экономическое положение в качестве основного фактора, влияющего на поведение потребителя, а различия в потреблении обосновывались классовой структурой общества. Во второй половине XX века, с развитием массового производства, произошло смещение фокуса изучения потребления: с этого момента оно рассматривалось не с позиции классового детерминизма, а как средство выражения индивидуальности и самопрезентации человека, коммуникации между людьми в обществе.

Одним из наиболее известных ученых, занимавшихся изучением потребления в эпоху, названную постмодерном, является французский социолог Ж. Бодрийяр. Ему принадлежит ряд работ о потреблении в современном обществе, а также разработка концепции «общества потребления». По мнению Бодрийяра, «потребление — это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связанный дискурс» [1]. Социолог пишет, что потребление является «систематическим манипулированием знаками» [1], и отмечает: потребляя тот или иной товар/услугу, человек, прежде всего, получает ее символическую стоимость, давая возможность узнать о ней другим людям.

Еще один французский социолог, П. Бурдьё, рассматривает потребление как практику, которая обусловлена множественностью исторических и социальных позиций индивидов и происходит на основе габитуса. Габитус является совокупностью моделей поведения индивида, проявляющихся в «способах жестикюляции, формах сексуального поведения, манерах питания, гигиене, стиле и так далее» [6]. Габитус воплощает установки субъекта и порождает социальные практики, воспроизводящие социальную структуру общества. В позднекапиталистическом обществе именно предпочтения и потребительские практики маркируют классовые различия. Потребительские практики у людей, занимающих идентичные социальные позиции, будут похожими друг на друга, так как схожесть га-

битусов устанавливает родственные практики потребления. Таким образом, потребляя те или иные товары, индивид воспроизводит свою принадлежность к той или иной социальной группе.

В современном обществе потребление — это символическая практика. Особое влияние на феномен символического потребления оказывают реклама и другой медиаконтент, транслирующий образы в массы. В ходе символического потребления особую ценность имеют бренды, торговые марки и их узнаваемость. Постоянное появление новых брендов и торговых марок, развитие онлайн-шопинга, влияние рекламы и медиа делают потребление ключевой практикой в жизни человека, вследствие чего данный феномен не теряет своей актуальности для социологического изучения.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. — М.: Рудомино, 2001. — 223 с.
2. *Вебер М.* Класс, статус и партия // Социальная стратификация / Отв. редактор С. А. Белановский. — М.: Ин-т народохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. — Вып. 1. — С. 19–38.
3. *Веблен Т.* Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с.
4. *Зиммель Г.* О понятии «моды» // Г. Зиммель. Избранное. Т. 2. — М.: Юристъ, 1996. — С. 266–291.
5. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. соч.: в 9 т. — М.: Политиздат, 1987. — 654 с.
6. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. — 288 с.

С Е К Ц И Я 5 .

СОЦИОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ И ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И ПРОБЛЕМ

Курбонов Фирузджон Абдурахимович

г. Душанбе

МЕХАНИЗМЫ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ТАДЖИКСКОЙ СЕМЬЕ

Введение

Создание семейных уз для жителей Таджикистана испокон веков считалось самой главной ценностью в жизни. Сегодня общество сталкивается с разрушением семейных связей, норм морали, этики и семейного права [2].

Результаты эмпирического исследования

По результатам анкетирования среди населения Таджикистана и иностранцев, живущих и работающих в Таджикистане, а также в ходе углубленного интервью со специалистами кафедры социологии Национального университета Таджикистана, Центра женского самосознания города Душанбе и реабилитационного центра «Корвани Умед», а также вторичного анализа результатов опроса «Изучение вопроса о разводе молодых семей и способах его предотвращения в Таджикистане» были получены следующие данные:

- 1) семья является важнейшим социальным институтом, который играет очень важную роль в развитии личности,

- регулировании и контроле поведения людей, социальной защите граждан и устойчивости общества;
- 2) для молодежи семья остается главной ценностью жизни, однако растет число молодых людей, которые предпочитают карьеру семье, влияние гендерных ограничений на девочек уменьшается, а возможности женщин и девочек для обучения в высших и средних специальных учебных заведениях растут;
 - 3) образцовой названа жена, которая имеет следующие черты: честность, вежливость, внимательность, заботливость, дружелюбие и образованность;
 - 4) мужчины часто не одобряют использование социальных сетей, мессенджеров и веб-сайтов женщинами и допускают это только в случае крайней необходимости;
 - 5) постепенно стереотипы «местом женщины является дом» утратили свою сущность, и большинство опрошенных считают, что женщины тоже имеют право работать;
 - 6) большинство женщин считают, что муж является главой семьи, что свидетельствует о традициях таджикских семей;
 - 7) таджикские женщины и девочки, как правило, носят нетрадиционную одежду, но в целом высоко внимание к национальному костюму, поскольку традиционная одежда является элементом национальной культуры Таджикистана;
 - 8) часто молодые люди в Таджикистане не могут жениться по причине отсутствия подходящего партнера и экономических условий для свадьбы, поскольку традиционно именно мужчина должен обеспечивать материальные и экономические потребности семьи;
 - 9) конфликты в семье возникают из-за недопонимания, ревности, безработицы, финансовых проблем в семье, вмешательства родителей и родственников, супружеской измены (в основном со стороны мужчин), проблем с жильем, бесплодия, сексуальных нарушений и т. д.

Отдельной проблемой является насилие в семье. Нужно отметить, что в селах и районах Республики Таджикистан чаще, нежели в столице, случается насилие в семье. Этому способствует ряд причин, во-первых, отсутствие общественных центров по предотвращению насилия в семье, низкий уровень и слабая осведомленность о семейно-правовой ответственности, неполное равенство между

мужем и женой, слабая осведомленность о традиции и семейных правах каждого члена семьи и другие причины.

Правительство Республики Таджикистан вносит максимальный вклад в решение данного вопроса. Органы местного самоуправления по предотвращению насилия в семье стараются разработать и реализовать местные программы. Также в Таджикистане функционируют международные организации по правам женщин и предотвращению насилия в семье, такие как UNODC по обеспечению правам детей, UNICEF и другие. Что касается государственных органов в Таджикистане, Комитет по делам женщин и семьи при Правительстве Республики Таджикистан функционирует более десяти лет и работает с женщинами и семьями для предотвращения насилия в семье [3].

Рекомендации по конструктивному регулированию и решению семейных конфликтов в Таджикистане.

1. Обеспечение и реализация государственной политики по предупреждению насилия в семье.
2. Утверждение государственных программ по предупреждению насилия в семье.
3. Координация деятельности профилактических органов по вопросам семьи.
4. Утверждение регламента и устава дочерних центров.
5. Осуществленные иных полномочий, определенных нормативными правовыми актами Республики Таджикистан.

Заключение

Сегодняшние экономические и социально-культурные изменения в Республике Таджикистан оказывают большое влияние на семью.

На сегодняшний день можно говорить о европеизации современных семей Таджикистана, и изменение семейных ценностей заметно. Это касается внутреннего мира семьи, меняя и обновляя его. Изменяется структура и функции семьи. Но, невзирая на все это, семья, как и прежде, имеет свой особый статус и престиж, а большинство людей ценят семейную жизнь [1, 2].

Литература

1. *Азархудоева Л. Т.* Семья как агент социализации / Л. Т. Азархудоева // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова. — АН РТ. — 2019. — № 3. — С. 78–85.
2. *Акрамов Ш. Ю.* Социально-экономические и культурно-исторические детерминанты развития брачно-семейных отношений в Таджикистане (на примере северного Таджикистана) // Ш. Ю. Акрамов: дис. канд. социологических наук. — М., 2018. — С. 156.
3. *Алешина Ю. Е.* Индивидуальное семейное психологическое консультирование. — М.: Юнити, 2016. — С. 320.

Биричева Ксения Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

РАДИОАКТИВНЫЕ ОТХОДЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Работа любой отрасли промышленности связана с образованием отходов. Особенно большую озабоченность вызывают радиоактивные отходы, сокращенно РАО. [1-12] Радиоактивные отходы (РАО) — не подлежащие дальнейшему использованию изделия, материалы, вещества и биологические объекты, содержащие радионуклиды в количествах, превышающих значения, установленные действующими нормами радиационной безопасности (согласно ГОСТ Р 50996-96).

Актуальность данной работы заключается в том, что использование, а также хранение или утилизация РАО всегда вызывали и вызывают настороженность не только у ученых различных специальностей, но и у широких слоев населения. Проблема обращения с радиоактивными отходами актуальна не только для таких стран, как РФ или США, где она, несомненно, стоит наиболее остро, поскольку есть такая область энергетики, но даже и для стран, вообще не специализирующихся на ядерной энергии [1].

Стоит помнить, что РАО представляют опасность для всего живого [1–12]. Биологическая эффективность ионизирующего излучения заключается не в количестве энергии, которая передается ткани, а в повреждении наиболее критичных элементов клеток организма на молекулярном уровне. В зависимости от дозы излучения и рассматриваемого органа возникают разнообразные патологические состояния, например: временное бесплодие, эритема, помутнение хрусталика глаза. При остром облучении в больших дозах, когда оказываются серьезно повреждены жизненно важные органы, развивается лучевая болезнь.

К сожалению, в настоящее время общественность уделяет мало внимания обращению с РАО. Каждый делает то, что вынужден делать под влиянием политического и социального давления, решения часто принимаются исходя из коммерческих соображений, а не в соответствии с техническими требованиями.

Современные отчеты часто деформируют и искажают представления народа об экологической ситуации. Официально считается,

что при хранении конкретных отходов не происходит загрязнения природы, так как все радионуклиды находятся в надежных герметичных оболочках внутри тепловыделяющих элементов и не имеют прямого контакта с окружающей средой, но, к сожалению, это далеко от реальности [1]. В настоящее время основная часть имеющихся РАО обусловлена процессами изготовления ядерного оружия, несмотря на то, что подавляющая часть таких работ закончилась несколько десятков лет тому назад [6].

Хочется отметить, что требующее постоянного мониторинга и анализа обращение с РАО является важнейшей составляющей как радиационно-экологической, так социальной науки. Ядерная энергия играет исключительную роль для человечества в современности, а ядерное оружие оказывает немалое влияние на политику. Люди стремятся удовлетворить свои потребности в энергии путем ее развития, но при этом РАО загрязняют нашу планету, оказывают немалое влияние на состояние окружающей среды и, конечно, на здоровье человека.

Если в разных странах строятся новые атомные станции, появляются новые медицинские приборы, использующие ионизирующие излучения, сохраняется ядерное оружие и многое-многое другое, то, несомненно, возникает все большее количество радиоактивных отходов, требующих утилизации. Сложная экономическая ситуация в нашей стране не позволяла и не позволяет использовать дорогостоящие способы захоронения в промышленных масштабах и обращать особое внимание на экологичность применяемых методов. Тем не менее наиболее реальным и перспективным способом, позволяющим обезопасить население от воздействия радиоактивных отходов, является их захоронение в геологической среде, как того требует наше законодательство. Поэтому важнейшей задачей исследований должен быть поиск оптимальных, экологически направленных условий для безопасного геологического захоронения РАО обязательно с учетом социальных и политико-экономических факторов.

Литература

1. Белозерский Г. Н. Использование ионизирующих излучений в медицинских целях и работы Е. С. Лондона // Научно-практический журнал «Клиническая патофизиология». — 2018. — Т. 24. — № 4. — 97 с.
2. Белозерский Г. . Радиационная экология: Учебник для бакалавриата и магистратуры. — 2019. — 1-е и 2-е изд. — 419 с.

3. Живов В. Л. и др. Уран: геология, добыча, экономика. — 2012. — 301 с.
4. Крышев И. И., Рязанцев Е. П. Экологическая безопасность ядерно-энергетического комплекса России. — 2000. — М: ИздАТ. — 384 с.
5. Приказ от 22.08.2014. № 379 «Об утверждении федеральных норм и правил в области использования атомной энергии “Захоронение радиоактивных отходов. Принципы, критерии и основные требования безопасности”».
6. Проблемы ядерного наследия и пути их решения. — М., 2012. — Т. 1. — 354 с.; Т. 2. — 357 с.
7. Тимошенко Л. И., Ляшенко В. Н. Защита от оружия массового поражения. — М., 2014. — С. 224–231.
8. Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об использовании атомной энергии» (в ред. Федерального закона от 11.07.2011 № 190-ФЗ).
9. Федеральный закон от 11.07.2011 № 190-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 16.07.2013).
10. Uranium 2014: Resources, Production and Demand [Электронный ресурс] — <https://www.oecd-nea.org/ndd/pubs/2014/7209-uranium-2014.pdf> (дата обращения: 11.02.2020).
11. Uranium Information Centre. Radioactive waste [Электронный ресурс] — <https://web.archive.org/web/20061107055558/http://www.uic.com.au/nip.htm#Radioactive%20Wastes> (дата обращения: 06.09.2020).
12. World Nuclear Association. Radioactive Waste [Электронный ресурс] — <https://web.archive.org/web/20081229223034/http://www.world-nuclear.org/info/info.htm#radioactivewastes> (дата обращения: 06.09.2020).

Юдина Екатерина

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(Технический университет), г. Санкт-Петербург

ОТНОШЕНИЕ К СЕКСУАЛЬНЫМ МЕНЬШИНСТВАМ КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Отношение общества к гомосексуальным людям различно в зависимости от страны, культуры и исторического периода. В большинстве стран уровень принятия гомосексуальности как равноправной ориентации очень низок, исключения составляют Западная Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, а также часть Латинской Америки. В России ситуация очень неоднозначна.

Толерантность является важным пунктом при создании гражданского общества, в котором разные социальные группы сосуществуют друг с другом на равных. Россия в данный момент включена в тенденции становления гражданского общества, а постепенное улучшение отношения к представителям нетрадиционной ориентации служит индикатором изменений социальных отношений. Чем более толерантно это отношение, тем мы ближе к сформированному и осознанному гражданскому обществу.

11 июня 2013 года был принят закон «О запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», который спровоцировал волну обсуждений, что послужило переломным моментом в динамике отношения российского общества к сексуальным меньшинствам.

Для анализа динамики развития отношения россиян к представителям нетрадиционной ориентации я предлагаю рассмотреть результаты социологических опросов от Левада-Центра в трех временных промежутках: до принятия закона будут использоваться результаты, полученные в 2010 году, в год принятия закона — 2013-й и значительно позднее принятия закона — 2019 год. Итак, по данным 2013 года (табл. 1) видна склонность к негативным ответам [2].

Табл. 1. Ответы на вопрос «Согласны или не согласны Вы с утверждением, что геи и лесбиянки должны пользоваться такими же правами, как и другие граждане?» в исследованиях Левада Центра

	2010	2013	2019
Полностью согласен	12	7	20
Скорее согласен	33	32	27
Скорее не согласен	22	28	18
Полностью не согласен	19	19	25
Затрудняюсь ответить	15	15	9

Стоит заметить, что сами опросы к 2019 году стали значительно толерантнее и аккуратнее в формулировках. В 2013 году в опросах Левада-Центра встречались вопросы: «Гомосексуализм — это болезнь или распущенность?», «Как вы лично относитесь к гомосексуалистам и лесбиянкам?», активно используются термины «гомосексуализм», «гомосексуалисты». В 2019 году Левада-Центр обратился за помощью с составлением опросника к ЛГБТ-организации «Выход», стали использоваться толерантные термины, такие как «гей», «ЛГБТ-люди» и «гомосексуальность» [2].

Также мы обратились к научным публикациям российских ученых, поднимавших вопросы ЛГБТ. Для анализа было взято 16 статей за временной промежуток с 2007-го по 2019 год (см. прил. 1). Как следует из нижеприведенной таблицы, большинство статей написаны с нейтральным настроением, они ни к чему не призывают, а только освещают обстановку в стране, опираясь на социологические опросы. Две статьи, датированные 2007 и 2014 годами, содержат позитивную коннотацию, продвигают идеи толерантности и называют проблему отношения к сексуальным меньшинствам важным аспектом для понимания уровня российской демократии. Пять статей от 2012, 2013, 2015 и 2019 годов имеют резко негативный характер, пропагандируется мысль непринятия сексуальных меньшинств в российском обществе, данной проблеме присваивается статус «угрозы для морали общества и демографических процессов». Нами был проведен подсчет ключевых слов и терминов в данных статьях, они были сгруппированы в две категории: негативные (куда были включены такие выражения, как гомосексуализм, гомосексуалист, аномалия, болезнь, русская гомофобия, пропаганда, больные люди, извращение,

нормой не является, демографический урон, угроза обществу, ВИЧ-инфекция), а также позитивные (ЛГБТ-сообщество, гомофобия недопустима, обеспечение прав и свобод ЛГБТ, репрезентация, равенство, гомосексуалы/геи, дискриминация, усиление неравенства).

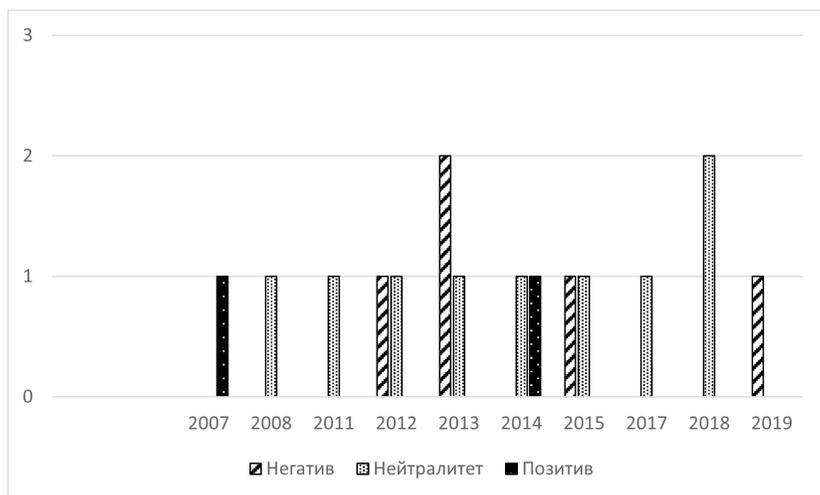

Рис. 1. Динамика статей по годам в зависимости от количества ключевых слов с позитивными/негативными коннотациями

Также выделены темы, которые часто встречаются в анализируемых статьях. Все они, кроме ВИЧ-инфекции, были подсчитаны как темы, не несущие строго негативный или позитивный смысл. Из следующего графика можно заключить, что упоминание закона «О запрете пропаганды гомосексуализма» встречается в статьях с 2013 по 2015 год, а также в статье от 2018 года. Вне зависимости от года выпуска статьи часто встречаются термины «гомосексуализм», «гомосексуалист» в контексте донесения мыслей самого автора, а в нейтральных и позитивных статьях используются реже, в основном при упоминании законов или цитировании других авторов. Также чаще встречается слово «пропаганда», а не «репрезентация», о проблемах равенства и дискриминации пишут единицы, а для описания

отношения российского общества к сексуальным меньшинствам используют слова «болезнь», «больные люди», «аномалия», «извращение».

Заметно, что проблему гомосексуальности часто связывают в статьях с темами ВИЧ-инфекции (эта тема была включена в негатив, но также и посчитана отдельно), с юридической стороной однополых отношений, то есть с гей-браками, а также рассматривают с позиции религиозного мировоззрения.

Анализ статей показал, что в России отношение к ЛГБТ-людям нестабильно. Как писал социолог и сексолог И. Кон, «отношение к гомосексуальности — идеальная лакмусовая бумажка для измерения демократизма и терпимости. При советской власти она была багровой от крови, сегодня она краснеет от стыда» [6, 68]. В свое время закон о «Запрете пропаганды...» увеличил интерес российского общества к этой теме, но также и создал новую волну критики ЛГБТ. В 2015 году Россию взбудоражила новость о легализации однополых браков в США, после 2015 года главными темами статей становятся гей-браки, их интеграция в российские реалии и усыновление детей подобными парами. Социологами замечается, что если к самому проявлению однополый любви российские граждане чаще относятся с безразличием, то когда дело касается юридического признания однополых браков, граждане склонны проявлять негативное мнение на этот счет.

Литература

1. Волков Д. Отношение к ЛГБТ-людям. [Электронный ресурс] // Исследование «Левада-Центра» URL: <https://www.levada.ru/2019/05/23/otnoshenie-k-lgbt-lyudyam/> (дата обращения: 6.12.2020).
2. Кон И. С. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2007. — № 4. — С. 59–68.

Приложение

Список проанализированных статей				
2012	Социологический журнал	№2	Божков О. Б., Протасенко Т. З.	https://cyberleninka.ru/article/n/odnopolye-braki-syuzhet-kotoryy-navyazyvaetsya-obschestvu-komu-to-etonado (дата обращения: 6.12.2020)
2013	Социологическая наука и социальная практика	№3	Дьяченко А. П., Позднякова М. Е.	https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotsialnyh-predposylkah-pravovogo-regulirovaniya-propagandy-gomoseksualizma-i-inyh-seksualnyh-deviatsiy (дата обращения: 6.12.2020)
2013	Ярославский педагогический вестник	№3	Исаева Е. А., Соколов А. В.	https://cyberleninka.ru/article/n/legalizatsiya-odnopolyh-brakov-realizatsiya-politiki-ravenstva-ili-razrushenie-instituta-semi (дата обращения: 6.12.2020)
2012	Современное образование	№1	Карпенко А. Л.	https://e-notabene.ru/pp/article_23.html (дата обращения: 6.12.2020)
2007	Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.	№4	Кон И. С.	https://cyberleninka.ru/article/n/gomofobiya-kak-lakmusovaya-bumazhka-rossiyskoy-demokratii (дата обращения: 6.12.2020)
2018	Социология власти	№30 том 1	Кондаков А. А.	https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-diskussii-o-gomoseksualnosti-effekty-bumeranga-v-potokah-vlasti (дата обращения: 6.12.2020)

2015	Russian Journal of Education and Psychology	№9	Кортунов В. В., Лапшин И. Е., Зорина Н. М., Краснова О. Н., Киреенкова З. А.	https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vospriyatii-gomoseksualnosti-v-sovremennoy-rossii-osnovaniya-aktualnogo-diskursa (дата обращения: 6.12.2020)
2013	Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология	№ 4	Новосёлова Е.Н.	https://cyberleninka.ru/article/n/odnopolyu-brak-tupikovaya-vev-evolyutsii-semi-i-obschestva (дата обращения: 6.12.2020)
2011	Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева.	№8	Ростова А. В.	https://cyberleninka.ru/article/n/predstaviteli-seksualnyh-menshinstv-osobennosti-sotsialnoy-distantsii-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-po-rezultatam (дата обращения: 6.12.2020)
2017	Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	№5	Семькина К. С.	https://cyberleninka.ru/article/n/odnopolye-braki-v-rossiyskih-media-mezhdu-neytralitetom-i-opaseniem (дата обращения: 6.12.2020)
2015	Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология	№1	Синельников А. Б.	https://cyberleninka.ru/article/n/predely-rasshireniya-granits-semi-i-braka (дата обращения: 6.12.2020)
2014	Журнал исследований социальной политики	№12 том 2	Соболева И. В., Бахметьев Я. А.	https://cyberleninka.ru/article/n/menya-kak-budto-vyotkali-zavorota-reaktsiya-lgbt-na-zapret-propagandy-gomoseksualizma (дата обращения: 6.12.2020)

2008	Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	№1	Солодников В. В., Чканикова А. М.	https://cyberleninka.ru/article/n/deti-v-odnopolyh-semyah (дата обращения: 6.12.2020)
2018	Социология власти	№30 том 1	Уилкинсон К.	https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-na-praktike-vozniknovenie-i-osparivanie-zakonov-o-propagande-gomoseksualizma-v-rossii (дата обращения: 6.12.2020)
2014	Демоскоп Weekly	№613-614	Фабрикант М. С., Магун В. С.	http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema05.php (дата обращения: 6.12.2020)
2019	Наука. Общество. Государство.	№7 том 1	Царапкина О. К.	https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/tsarapkina_ok_2019_1_04.pdf (дата обращения: 6.12.2020)

Данилова Маргарита Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМАТИКА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сегодня всплеск внимания к здоровому образу жизни, долголетию и активному самовыражению — один из глобальных трендов. Здоровый образ жизни (ЗОЖ) — это способ жизнедеятельности, направленный на сохранение и улучшение здоровья людей как условия и предпосылки существования и развития других сторон образа жизни. Здоровье человека определяется целым рядом условий и факторов, однако решающим выступает позиция самого индивида, отношение к своему здоровью и его поддержанию. Тенденцию на поддержание здорового образа жизни населения можно проследить в социальной политике развитых стран — государства заинтересованы в уменьшении заболеваемости среди населения, увеличении средней продолжительности жизни и обеспечении высокого ее уровня. Чем успешнее будут реализованы цели и задачи социальной политики, тем меньше экономических затрат на лечение болезней потребуется в будущем.

В России за последние годы были приняты такие важные документы, посвященные ЗОЖ населения, как «Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения», «Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака» [2], «Основы государственной политики в области здорового питания» [1]. Это говорит о том, что вопрос охраны здоровья в последние годы обсуждается на государственном уровне. Государственными структурами здоровый образ жизни определяется как совокупность трех элементов: правильного питания, физической активности и психически нормального состояния (низкого уровня стресса и конструктивного поведения). А согласно пресс-релизам ВЦИОМ, здоровый образ жизни включает в себя практики регулярного медицинского обследования, соблюдение диеты и отказ от вредных привычек.

По данным ВЦИОМ, в течение нескольких лет в России выросла доля респондентов, занимающихся спортом: «Более половины

россиян декларируют, что занимаются спортом или иной физической активностью (63 %), однако систематически занимаются 38 %. Декларируемая физическая активность по возрастным группам распределяется следующим образом: в возрасте 3-5 лет физической активностью занимается 81 %, а 6-12 лет — 93 % россиян. Среди подростков и взрослого населения наблюдается снижение физической активности: в возрасте с 13 до 29 лет их доля составляет 73 %, а среди граждан от 30 до 59 лет и старше 60 лет — 55 и 54 % соответственно. Среди россиян старшего возраста 60+ преобладает доля тех, кто самостоятельно организует свои занятия физкультурой или спортом (36 %)» [3].

Ориентацию на продвижение здорового образа жизни подхватывают крупные компании, в первую очередь индустрии красоты и спорта. Образы здорового, молодого человека транслируют средства массовой информации, посредством всех информационных платформ говорят о вреде для здоровья курения и чрезмерного употребления алкоголя. На протяжении недели в эфир ведущих телеканалов выходят программы: «Здоровье» и «Жить здорово!» с Еленой Малышевой (Первый канал), «Школа доктора Комаровского» («Пятница»), «Про здоровье» («Домашний»), «Медосмотр» («Общественное телевидение России»), «Доктор И...» («ТВ Центр»), «Детский доктор» («Домашний»), «Доктор Свет» («НТВ-Петербург»), что говорит о наличии спроса на информацию о поддержании здоровья. Можно выделить следующие практики здорового образа жизни, описываемые в рамках программ о здоровье: соблюдение режима труда и отдыха, правильное питание, здоровый сон, отказ от вредных привычек, культура сексуального поведения, физическая активность (регулярные прогулки, активный образ жизни, походы), спорт.

В социальных сетях, которые пользуются популярностью в России, широко распространены группы, посвященные практикам здорового образа жизни. Например, при поиске в социальной сети «ВКонтакте» сообществ по теме «здоровый образ жизни» можно найти более 9000 групп. В самой популярной группе «Здоровое тело. Мы за здоровый образ жизни» более 14 тысяч просмотров под каждой записью ежедневно, что опять же свидетельствует об интересе к ведению здорового образа жизни у пользователей социальных сетей. Однако сейчас на смену классическим практикам ЗОЖ приходят новые формы. Так, в социальных сетях можно найти сообщества, в которых люди договариваются о совместных занятиях спортом,

публикуют свои достижения, свои рецепты правильного питания. Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что, с усилением популяризации здорового образа жизни классические практики и направления ЗОЖ в дальнейшем будут дополняться все новыми формами.

Литература

1. Государственная политика Российской Федерации в области здорового питания: Доклад. — М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2015. — 89 с.
2. О Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотиносодержащей продукции в РФ на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72943536/> (дата обращения: 20.01. 2021).
3. Россия — спортивная страна!: Аналитический обзор ВЦИОМ от 13.11.2019. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-sportivnaya-strana-> (дата обращения: 20.01.2021).

СЕКЦИЯ 6.

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИА, КОММУНИКАЦИИ И КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЙ

Иванова Анастасия Афанасьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ИГРОВАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ОТ ЖУРНАЛА К СТРИМУ

Компьютерные игры, став культурной индустрией и общераспространенной практикой, вызвали к жизни специфическую деятельность — игровую журналистику, ориентированную на освещение событий из мира игр. Развитие игровой журналистики тесно связано как с изменениями игровых технологий, так и с тенденциями более широкого медийного ландшафта. В связи с чем цель доклада — продемонстрировать, как менялись коммуникативные технологии игровой журналистики.

Первый этап развития игровой журналистики (с 1970-х до середины 1990-х) связан с доминированием на рынке печатных изданий. Первым заметным изданием, специализировавшимся на индустрии компьютерных игр, стал американский журнал *Play Meter*, который издавался с сентября 1974 года по июнь 2018 года [5]. Журнал фокусировался на развитии индустрии игровых автоматов. Реклама, являясь активным агентом социализации, сформировала систему представлений о компьютерных играх, которая потом усваивалась людьми. По мере распространения игр профильная игровая пресса стала важным каналом продвижения этих медиа, а также она формировала знание и более широкий повседневный дискурс об играх. Люди читали журналы про игры не только как рекламу, но и как интересный материал, дающий информацию об их увлечении.

Первым отечественным журналом игровой тематики был журнал «Видео-Асс Dendy», который впервые вышел в 1993 году. Он был создан коммерческим отделом компании *Steepler* для информационной поддержки видеоприставок Dendy и аксессуаров к ним. В качестве целевой аудитории журнала предполагались дети и подростки приблизительно 10–14 лет, но в действительности его читали и взрослые люди. Журнал стал очень популярен благодаря атмосфере открытого диалога между авторами и аудиторией, обилию разнообразных рубрик и широкому охвату рассматриваемых игровых платформ. Кроме того, читатели принимали активное участие в создании журнала, присылая свои тексты с описаниями игр и тематические рисунки для соответствующих конкурсов [1].

Второй этап развития игровой журналистики (с середины 90-х годов XX века) связан с «бумом» интернета как нового канала информации. Начиная с середины 90-х до начала 2000-х, число активных пользователей интернета выросло с 16 миллионов до 248 миллионов человек. Это повлияло на рейтинги печатных СМИ. Теперь новости индустрии игр более оперативно публиковались и размещались на сайтах, чем в журналах, которые выходили всего лишь раз в месяц. К тому же большинство постоянных рубрик спокойно интегрировалось редакциями в онлайн [4]. С развитием интернета у игровой печатной журналистики появились серьезные финансовые проблемы. Многие журналы прекратили свое существование именно из-за них, так как интернет предоставлял бесплатный доступ к любой информации, в том числе и к информации о компьютерных играх. У людей просто не осталось значимых причин покупать бумажные издания. В интернете есть игровые порталы, которые поддерживаются редакторским составом, отличаются контролем качества и большим охватом аудитории. Они заменили печатные игровые СМИ.

Третий, текущий этап развития игровой журналистики назван «новой игровой журналистикой». Он связан с тем, что электронная информация о компьютерных играх вытеснила печатные издания. Статьи прежней игровой журналистики были основаны на утверждении о том, что ценность компьютерной игры заключена в самой компьютерной игре. Новая игровая журналистика отрицает это и настаивает, что ценность игры — не в игре, а в играющем [2]. Для новой игровой журналистики важно то, что игрок чувствует и о чем думает, когда погружается в другой мир. Новые стандарты игровой журналистики работают на передачу эмоций, которые человек мо-

жет испытать, играя. Реализация новой игровой журналистики происходит в основном в формате видео. Пользователи выкладывают комментарии и обзоры, проводят стримы, снимают прохождения игр, летсплеи.

Наиболее массовым каналом продвижения компьютерных игр сегодня являются стримы. Одобрительные отзывы стримеров, выложенные в Сеть, могут оказать хорошую поддержку рекламным кампаниям. Стримеры — это представители определенной субкультуры и стиля жизни, их деятельность связана с онлайн-трансляциями. Стример играет в прямом эфире в компьютерную игру и общается со зрителями благодаря текстовому чату [3]. Люди с разным игровым опытом смотрят стримы, потому что стримы включают в себя симуляцию общения с человеком с общими интересами, заменяют телевидение и просмотр сериалов, позволяют испытать определенные эмоции, ознакомиться с новыми играми и их оценкой, повысить собственные навыки игры.

В заключение следует отметить, что важной частью поддержания интереса к игровой журналистике является связь с игроками. В ранний период развития игровой журналистики компьютерные игры рекламировались и продвигались через игровые журналы. А журналы были популярны благодаря обратной связи с читателями, которые участвовали в пополнении содержания журнала. Современная игровая журналистика в основном выходит в формате видео, и в этой деятельности сегодня размыты границы между создателями контента и игроками.

Литература

1. Журнал Dendy и ВД [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/note3503393_11744072
2. Кирон Г. Новая игровая журналистика. — URL: <https://gamer.livejournal.com/341026.html>
3. Профессия современного мира. Стримеры. Кто это такие? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/id/5d87ba7905fd9800ad37b28c/professiia-sovremennogo-mira-strimeryi-eto-eto-takie-5dc0b152a3f6e400b2f9be04?utm_source=serp
4. Яремчук А. Видеоигровая журналистика и медиаиндустрия: история развития и сегментация // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). — 2020. — № 1. — С. 4–5.
5. Play Meter [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.playmeter.com/>

Воробьева Полина Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

«ОБРАЗ ВРАГА» В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ВЛАДИМИРА ПУТИНА В ДИСКУССИОННОМ КЛУБЕ «ВАЛДАЙ»

В современной политике образ врага нередко используется как инструмент консолидации крупных социальных общностей против тех или иных социальных групп, государств. Конструирование образа врага часто встречается в дискурсе политической элиты, так как представляет собой успешную стратегию для мобилизации групп поддержки. Властные группы являются активными участниками многих коммуникативных ситуаций, занимаясь «производством новостей», определяя темы, тон и стиль сообщений. В этом смысле связь между дискурсом и властью является тесной и проявляется в виде прямой манифестации идей группы, государства.

В самой структуре образа врага можно выделить три компонента. Первый компонент — это оппозиция «свои — чужие», враги обязательно оцениваются как чужие, другие, не такие, как мы. Второй компонент — это продуцирование в массовом сознании ситуации «опасности». Враги всегда представлены как вредящие определенным социальным группам или государству в целом. Враги представляются в общественном сознании как носители зла, стремящиеся унижить, помешать в развитии или даже разрушить государство и общество. Третий компонент — необходимость решительных действий.

Специфическими структурами, посредством которых реализуются манипуляции на основе образа врага, являются: подчеркивание позиций власти, авторитета и морального превосходства, подчеркивание недостатка знаний и иных слабых сторон реципиентов; фокус на новых убеждениях, которые агент дискурса пытается внедрить в сознание манипулируемых, аргументов, доказательств и иных форм, стимулирующих восприятие и усвоение новой информации; дискредитация альтернативных, критических источников и противоположных убеждений; аргументация к релевантным идеологиям, позициям и эмоциям реципиентов.

Сегодня тема коронавирусной инфекции становится одним из главных катализаторов обсуждения мировой политики.

Политическая нестабильность, обусловленная текущей пандемией, в частности, порождает формирование социального конструкта, основанного на оппозиции «Мы/Они». Для выделения механизмов формирования такого конструкта и определения, кто в ситуации пандемии признается врагом, какими чертами наделяется, мы проанализировали стратегии политического дискурса, а также тематический контекст, в котором создается образ врага.

Для анализа мы обратились к выступлению президента РФ Владимира Путина на итоговой пленарной сессии XVII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», состоявшейся 22 октября 2020 года в Москве. Тема этого года — «Уроки пандемии и новая повестка: как превратить мировой кризис в возможность для мира» [2]. Речь президента обращена к общественным и политическим деятелям, научным сотрудникам, а также к широкой общественности. Методологической основой анализа стал критический дискурс-анализ Т. Ван Дейка [1].

Раскрывая тему пандемии и мировой политики, Владимир Путин затрагивает широкий спектр вопросов — от мировой безопасности до национальных ценностей России. Речь основывается на построении бинарных оппозиций в отношении России и «внешних сил» через призму событий, связанных с пандемией. Президент реализует стратегии позитивной самопрезентации и негативной репрезентации оппонентов: так, например, называет инициативы «внешних сил» в отношении России «закулисными нашептываниями, шумными криками, переходящими в истерику», подчеркивая коварство, неуравновешенность. Обращаясь к пандемии, замечает, что не все необходимое для предотвращения заболеваемости предпринимается в мире, в противовес констатируя, что Россия определила верные цели и строго следует им в борьбе с вирусом. Владимир Путин утверждает, что только дееспособное и сильное государство, выстроенное на принципах взаимного доверия власти и граждан, способно эффективно действовать в ситуации кризиса, вновь противопоставляя Россию тем, для кого роль государства утрачивает свое значение. Перемещаясь по темам выступления, врагом признается также и тот, кто выступает против укрепления международных структур. Президент подчеркивает их ключевую роль в решении глобальных проблем, пандемии, в частности. В оппозицию он ставит тех, кто полагает, что международные организации и институты утрачивают свое значение, тех, кто не считает необходимостью объ-

единяться против мировых угроз, в том числе и пандемии, тех, кто считает необходимым и возможным действовать поодиночке, преследуя исключительно свои цели. Одними из основных тем обсуждения стали проблемы экологии и цифровизации, в рамках которых врагами признаются те, у кого можно отметить нарастающее неумеренное потребление ресурсов, хищническую эксплуатацию природных ресурсов, нежелание или неготовность обсуждать актуальные проблемы кибербезопасности.

Литература

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: «ЛИБРОКОМ», URSS. — 2013. — 342 с.
2. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Интернет-источник: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 03.11.2020).

Семенова Анастасия Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ МЕДИАТРЕНДОВ И СТЕРЕОТИПОВ НА РЕКЛАМНУЮ КАМПАНИЮ (НА ПРИМЕРЕ БРЕНДА VICTORIA'S SECRET)

Главенствующая роль медиа в формировании и деконструировании гендерных стереотипов может учитываться для планирования рекламной кампании и позиционирования брендов. В связи с чем социологу немаловажно обращать внимание на быстрое изменение медиатрендов и используемых стереотипов в рекламе в связи с социокультурными, экономическими и политическими течениями. Представленный в докладе материал характеризует влияние гендерных медиатрендов и стереотипов на рекламную кампанию и позиционирование бренда Victoria's Secret.

В нашем исследовании использовались следующие теоретические положения:

1. В концепции «мегатрендов» Д. Нейсбита современное информационное пространство во многом определяется социальными, стилевыми, ценностными и другими трендами, возникающими в социальной, экономической и политической сфере, что оказывает серьезное влияние на все рыночные процессы, включая рекламу и маркетинг.
2. Бренд рассматривается с точки зрения социологического подхода, как социально значимый образ, интегрирующий ценности и тенденции развития своей целевой аудитории.
3. Процесс формирования рекламной кампании и позиционирования бренда рассматривается с позиции того, что в современной экономике реклама продает не столько сам товар, сколько связанное с ним впечатление, бренд, который продвигает стиль жизни, идеи. Такого взгляда на бренд придерживается Н. Кляйн. Исходя из этого положения, следует предположить, что по рекламной кампании можно определить, как создатели бренда его позиционируют и с какими идеями ассоциируют.
4. Так как в данной работе рассматривается именно влияние гендерных медиатрендов и стереотипов в качестве вы-

шеупомянутых тенденций развития целевой аудитории, выявление этих гендерных медиатрендов и стереотипов происходит с помощью гендерного подхода, который позволит определять используемые образы в рекламе.

5. Мода и образы женщин в данном исследовании рассматриваются как набор кодов. Для их декодирования используется семиотическая теория Р. Барта.

Бренд и реклама могут рассматриваться с точки зрения маркетингового/экономического и социологического подходов. Специфика социологического подхода заключается в том, что он рассматривает бренд не только как набор отличительных атрибутов компании, а как результат взаимодействия и коммуникации между компанией и ее аудиторией, который отражает ценности своей целевой аудитории [1, 157–165].

К ценностям целевой аудитории можно отнести трендовые влияния, которых она придерживается. Социальные тренды при использовании в медиа становятся медиатрендами, хотя изначально возникают в обществе. Тренды, возникающие во всех сферах жизни общества, называются мегатрендами [3]. Одним из актуальных трендов является признание женщин и расширение их ролей, то есть феминистские тренды. Также можно выделить бодипозитивный тренд. Такие медиатренды связаны с преодолением гендерных стереотипов в рекламе, подобная, поддерживающая женщин реклама называется фемвертайзингом [5].

Женские гендерные стереотипы связаны с трансляцией определенных образов женщин в рекламе: образы деви, матери, соблазнительницы, воительницы и т. д. [2, 91–100]. Проявление гендерных стереотипов в моде и рекламе можно изучать с помощью гендерного и семиотического подхода [4, 97–100].

Выявленные подходы были применены к изучению рекламной кампании Victoria's Secret до и после ребрендинга. Методом для изучения рекламных роликов был выбран качественный анализ роликов Victoria's Secret. При анализе ролика рассматривался текст используемых песен; сюжет рекламы; особенности построения кадра (ракурсы); окружающая обстановка (интерьер, локации); направление взгляда, выражения лиц, жесты, движения; телосложение моделей; одежда (цвета, ткани, фасоны); использование фетишей. При первом просмотре ролика фиксировался общий сюжет, музыкальное сопровождение рекламного ролика. При следующем просмотре осуществ-

влялась раскадровка ролика. Кадры анализировались на наличие указанных категорий, как они представлены и что они означают.

До ребрендинга Victoria's Secret транслировал образ женской сексуальности, роскошной женщины-соблазнительницы. Образ конструируется с помощью окружающей обстановки, музыкального сопровождения, ракурсов, выбором моделей, одежды и фетишей. Последние два элемента могут объясняться спецификой бренда нижнего белья.

После ребрендинга бренд начал применять бодипозитивные акценты, появились plus-size модели. Образ сдвинулся от гиперсексуального и стал нежным и веселым, в роликах начали затрагиваться темы женской дружбы.

Изучение отношения целевой аудитории производилось посредством метода фокус-группы. Было установлено, что целевая аудитория бренда разделяет современные тренды, например бодипозитивный тренд. Ролики после ребрендинга аудитория посчитала современными и больше ассоциировала себя с персонажами этих роликов, так как образ в роликах после ребрендинга стал более легким и веселым. Использование медиатрендов положительно повлияло на отношение целевой аудитории к бренду.

Литература

1. *Боровских Ю. А., Смирнова Е. Э.* Бренд вуза как объект социологического исследования // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. — 2014. — № 1. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brendvuzakak-obekt-sotsiologicheskogo-issledovani> (дата обращения: 07.05.2020).
2. *Конева А. В.* Гендерное неравенство: дискурсы желания vs нарративы соблазна // Международный журнал исследований культуры. — 2013. — № 3 (12). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-neravenstvo-diskursy-zhelaniya-vs-narrativy-soblazna> (дата обращения: 21.04.2020).
3. *Нейсбит Д.* Мегатренды. — М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003.
4. *Яковлева М. В.* Гендерный подход в исследовании современной моды // Вестник СПбГУК. — 2018. — № 1 (34). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-podhod-v-issledovaniiisovremennoy-mody> (дата обращения: 21.04.2020).
5. *Goralik L.* Фемвертайзинг: 5 принципов рекламы, которая (действительно) делается для женщин. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://medium.com/@linorg/> (дата обращения: 01.05.2020).

Калашикова Екатерина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АФРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ АФРО-ТАНЦЕ

Современные процессы социокультурной динамики к открытости приводят к нарастанию тенденций преемственности и заимствования между культурами. В проведенном исследовании рассматривается репрезентация культуры через современный афро-танец, осмысливается феномен танца [1, 87], [7, 242], [9, 667–669]; определяется роль культурной репрезентации в механизмах культурного обмена на примере такого социально значимого и популярного сегодня явления, как школы африканских танцев («афро»).

Паттерны культурных заимствований традиционно находятся в центре внимания социальной антропологии, однако специфика и характерные аспекты обмена культурным материалом часто остаются недостаточно освещенными. В данной работе проблематика соотношения идентичности-прототипа («африканскости») и ее репрезентации через танец исследуется с помощью танцевального афро-сообщества Санкт-Петербурга в качестве поля исследования. Благодаря полученным материалам и анализу теорий репрезентации [2], [4], [5], африканской идентичности [6], [8], этномузыкологии и культурных элементов афро-танца [3] среди паттернов репрезентации и идентификации афро определяются роль носителей-экспертов как легитимных агентов репрезентации и роль репрезентации в культурных заимствованиях и инновациях.

Афро-танец не гомогенен, это собирательный образ нескольких направлений, зародившихся в разных странах Африки. При этом внутри Африки есть центры того или иного стиля, и не каждая страна обладает собственным. Современное афро — это адаптированное для экспорта аутентичное афро. Аутентичное современным африканским реалиям. Культура не является неотчуждаемой частью «носителя»-агента, то есть любые танцевальные движения в исполнении африканца не становятся автоматически афро-танцем. Через отношение соответствия черт в культуре и в афро-танце возникает репрезентация. В постановке переменных в общий вид схемы репрезентации Гелла [4] получаем схему репрезентации афро-танца:

прототип (африканскость) → исполнитель (танцовщик) → танец (индекс). Надеясь исполнителя агентностью, мы приписываем танцу источник идентичности. При этом легитимные агенты репрезентации — носители в большей степени и эксперты чуть в меньшей — обеспечивают качественное культурное научение и пользуются доверием изучающих афро-танец. Носителем культуры можно считать такого агента, который сформировался в африканской культурной среде, переживал опыт длительного нахождения в атмосфере современного афро-танца. Роль носителя — поддерживать ядро стиля, выступать своеобразным образцом «подлинного» афро.

Благодаря полученным эмпирическим материалам среди паттернов репрезентации и идентификации афро можно выделить такие внешние составляющие образа исполнителя, как африканские ткани, афро-прически, крупные украшения, ярко выраженная мимика, эмоциональность исполнения. Важнейшими паттернами репрезентации афро является музыка — особая музыкальность, грув и филлинг. Выявленные паттерны культурных заимствований обучающихся афро-танцу (научения), критерии носителя культуры, способы идентификации и паттерны репрезентации афро-стиля, позволяют сделать вывод о природе соотношения «африканскости» и ее репрезентации через танец. Современные реалии Африки, ее мигрантов по всему миру, повседневность, все появившиеся и связанные с этим индустрии представляют собой пример танца как изменчивой модерна. Территориально Африка больше не монополист в «изобретении» современного афро-танца, инновации могут создавать танцовщики по всему миру, при этом за носителем культуры остается задача сохранения ее аутентичности и обеспечения культурного заимствования через афро-стиль. Культурные процессы, охватывая все социальные сферы, порождают новую эклектичность танца. Именно это репрезентирует современный афро-танец, и именно через такую репрезентацию происходит культурное заимствование, а с научением возможны и легитимные инновации не только носителей культуры. С каждым новым воспроизведением афро репрезентирует себя.

Литература

1. Гевленко Ю. А. Семиотический анализ танца // Вестник Томского государственного университета. — 2009 — № 320. — С. 87–89.

2. *Ceveri C.* Le principe de la chimère. Une Anthropologie de la mémoire © 2007, 2012 Éditions Rue d'Ulm / Presses de l'École normale supérieure. — Paris. English Translation, 2015 — 370 p.
3. *Comaroff J., Comaroff J.* Theory From the South: Or, How Euro-America is Evolving Toward Africa, 2012 — 247 p.
4. *Gell A.* Art and agency // An Anthropological Theory — Oxford, 1998 — 271 p.
5. *Hall S.* The work of representation // Representation: cultural representations and signifying practices, 1997 — 78 p.
6. *Hanna J. L.* Identity in African Dance — Myth and Reality // A Historical, Theoretical, and Cultural Analysis of Africana Dance and Theatre, The Nankama African Dance Conference Proceedings, Howard University, 2019. — P. 36–45.
7. *Kurath, G. P.* Panorama of dance ethnology. *Current Anthropology* 1 (3), 1960. — P. 233–254.
8. *Turner J. C.* Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // E.J. Lawler (Ed.) *Advance in group processes*. Vol. 2. Greenwich, CT: JAI Press, 1985. — P. 77–121.
9. *Wulff, H.* Dance, Anthropology of. In: James D. Wright (editor-in-chief), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd edition, Vol. 5. Oxford: Elsevier, 2015 — P. 666–670.

*Демина Диана Денисовна,
Воронов Дмитрий Сергеевич,
Кочеткова Елена Андреевна,
Смирнова Екатерина Алексеевна,
Федорова Екатерина Дмитриевна*

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ИММЕРСИВНЫЙ ТЕАТР ДЛЯ ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ SPLIT КАК ВОПЛОЩЕНИЕ МЕТОДИКИ СОЦИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА

Социальное проектирование включает в себя деятельность, направленную на выработку и коррекцию управленческих решений с помощью формирования вариантов развития социальных процессов с учетом человеческого фактора. Оно предполагает социальные изменения, которые возможны только при поддержке общественного мнения, включении людей в процесс реализации проекта, что является актуальным для нашего проекта и согласуется с его целями и задачами; с его нацеленностью на изменение отношения общества к людям с ментальными расстройствами, на предоставление помощи в интеграции в социальную жизнь.

Когда мы говорим о социальном дизайне, мы подразумеваем прежде всего реорганизацию социальной реальности, дизайн социального мира, социальное конструирование, создание или преобразование социальной реальности (И. А. Вальдман, А. М. Долгоруков, М. А. Куликов и пр.) [1].

В методологии социального дизайна ценностная структура человека лежит в основании эффективности его деятельности [3]. Способ, на котором основываются принципы работы проекта Split, ориентирован на социальный дизайн как социальное конструирование, создание или преобразование социальной реальности; проектирование социального мира. Таким образом, процесс проектирования на основе социального дизайна должен способствовать улучшению благосостояния людей и увеличению их средств к существованию — это главная цель социальных дизайнеров.

Обращаясь к социологическим теориям, в которых содержатся идеи, родственные проблематике проекта Split, можно вспомнить работу М. Фуко «Психические расстройства и личность». М. Фуко пишет о том, что быть больным — значит жить другой жизнью, даже в биологическом смысле этого слова, и закладывает в основу своей работы вопрос о том, почему появляется эта другая жизнь и что за ней стоит [4]. Фуко обнаружил, что под маской гуманизма заботы о внутреннем здоровье система, сложившаяся в западном обществе, подавляет личность и полностью порабощает человека.

Почему так происходит, рассуждает и пытается дать ответ И. Гофман в своей работе «Стигма. Заметки об управлении испорченной идентичности», где автор пишет о проблеме стигматизации обществом, напрямую связанной с табуированием психических расстройств [5]. Стигма определяется как ситуация, когда индивид считается неспособным к полноценной социальной жизни. Те, кто потенциально агрессивен вследствие имеющегося психического заболевания, и те, кто, очевидно, является носителем генов психического расстройства, — все они подвергаются стигматизации в генетических интересах стигматизирующего субъекта.

Важным моментом в профилактике и лечении людей, страдающих психическими заболеваниями, является грамотный и системный подход к проблеме. Свою эффективность в этой сфере показала театротерапия, которая применяется в психиатрической практике как по отношению к пациентам с тяжелой формой расстройства (некоторые формы шизофрении, БАР и т. д.), так и с более легкой [2]. В процессе театральных постановок пациенты учатся проявлять многочисленные эмоциональные оттенки согласно проигрываемой роли, контролировать появление эмоций, их изменение, а также улавливать эмоциональные ответы своих партнеров, тем самым улучшая эмоциональный контекст поведения с другими людьми и корректируя свое поведение на сцене во время спектакля, а впоследствии и в обычной жизни.

Проект иммерсивного театра для людей с ментальными нарушениями Split направлен на включение людей с ментальными расстройствами непсихотического характера в жизнь общества путем трудоустройства в сферу театрального искусства. Суть «иммерсивности» театра заключается в том, что принять участие в спектаклях могут сами зрители. Работа театра, в свою очередь, заключается в совместной работе социального учреждения с настоящим театром. Клиенты

социального учреждения будут передаваться под наставничество профессиональных актеров, которые под руководством специалистов по социальной работе и психотерапевтов будут проводить основную работу в виде постановки спектакля с участием ментальных инвалидов. Сами спектакли будут посвящены проблемам, с которыми сталкиваются люди с ментальными нарушениями, постановки также будут являться частью лечения, так как актеры во время спектакля будут погружаться в терапию.

Таким образом, проект Split, выполненный в методике социального дизайна, позволяет ментальным инвалидам с расстройствами непсихотического характера интегрироваться в общество путем трудоустройства в сфере искусства; расширяет социальные связи клиентов благодаря работе с профессиональными актерами; выступает дополнительным способом лечения заболевания; привлекает внимание общественности к проблемам и жизни людей с психическими заболеваниями и ломает механизм стигматизации.

Литература

1. Долгоруков А. М. Ценностно-волевая структура человека как основа социальных инноваций // Ценности и смыслы. — 2012. — № 2. — С. 148–158.
2. Захаров Н. Б., Злоказова М. В., Соловьев А. Г. Театротерапия как метод реабилитации больных шизофренией // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. — 2015. — № 18(1). — С. 50–53.
3. Куликов М. А. Социальный дизайн как метод формирования гражданского общества в России // Известия РГПУ им. А. Герцена. — 2008. — № 86. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-dizayn-kak-metod-formirovaniya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Фуко М. Психическая болезнь и личность. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия». — 2009. — 320 с.
5. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. — N. Y.: Prentice-Hall — 1963. — Chapters 1 and 2. — 40 p.

Кудряшев Антон Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

АНАЛИЗ ТОНАЛЬНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВАХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

В последние несколько лет в академических кругах стремительно набирает популярность проблема анализа эмоциональной окрашенности текстов. Например, в базе данных Scopus количество публикаций по тегу *Sentiment analysis* с 2016 по 2019 год увеличилось в два раза. Методы анализа тональности имеют очень широкий спектр применения в области социальных наук: оценка общественного мнения, проведение маркетинговых исследований, анализ отзывов о товарах и т. д.

В данной работе представлены результаты исследования тональности высказываний в онлайн-сообществах трех музыкальных исполнителей: Noize MC, ATL, IC3PEAK. Данные исполнители были выбраны, поскольку у них различается время начала музыкальной карьеры и создания тематических сообществ, количество подписчиков, а также музыкальные жанры, в которых они работают. Целью исследования было выявление эмоционального фона в указанных сообществах. Теоретическим основанием работы послужила теория интеракционных ритуалов Р. Коллинза [1, 142]. В соответствии с данной теорией в сообществах выделяются следующие составляющие: *граница* ритуального взаимодействия — секция комментариев под записями в сообществах; *концентрация внимания* участников ритуала на событиях, связанных с музыкантами; *разделяемые эмоции*, которые выражаются в текстах комментариев. Результатами такого взаимодействия становятся: чувство общности, групповой солидарности; индивидуальные эмоции, связанные со взаимодействием в ритуале; символы, в которых проявляется коллективный опыт; моральное единство.

Эмпирическая база исследования — 265 тысяч комментариев на страницах сообществ музыкальных исполнителей в социальной сети «ВКонтакте». С использованием метода, основанного на словаре эмоциональной лексики [2], отдельные слова были размечены как позитивные, негативные или нейтральные. Уровни эмоциональ-

ности по каждому сообществу были вычислены с использованием индексов тональности [3, 512]. Индексы были рассчитаны для наборов комментариев под каждым постом и в целом по сообществам (табл. 1).

В сообществах IC3PEAK и ATL показатели практически одинаковые: среди всего набора комментариев в этих группах эмоционально окрашенными являются 35 %, среди них 25 % позитивных комментариев и 10 % негативных. В сообществе IC3PEAK негатив в основном связан с неприятием музыки группы на раннем этапе творчества (2014–2016 годы) и отменой концертов или отсутствием некоторых городов в списке нового тура (2017–2018 годы). Слушатели ATL выражали негативные эмоции по поводу задержки выхода альбомов. Весной 2020 года они остро отреагировали на перенос концертов из-за пандемии COVID-19 и билетную политику их организаторов.

В сообществе Noize MC эмоциональную окраску имеют 42 % комментариев, среди них — 32 % позитивных. Здесь негативные комментарии зачастую связаны с высказываниями исполнителя по актуальным вопросам политики, например конфликт России и Украины, поддержка фигурантов «Московского дела» и т. д. К этому добавляются споры между пользователями по поводу различных музыкальных вкусов. В обоих случаях происходят дискуссии, в которых слушатели часто используют жесткие, нецензурные выражения и переходят к взаимным оскорблениям.

Табл. 1. Индексы тональности по выбранным музыкальным сообществам

	IC3PEAK	ATL	Noize MC
процент позитивных слов	14,9	12,56	15,43
процент негативных слов	7,88	6,12	6,7
Word Sentiment Index	1,89	2,05	2,3
Word Emotion Index	0,22	0,19	0,22
процент позитивных текстов	24,88	24,96	31,41
процент негативных текстов	10,12	9,78	10,69
Text Sentiment Index	2,46	2,55	2,93
Text Emotion Index	0,35	0,35	0,42

Поскольку не было зафиксировано серьезных различий между уровнем эмоциональности комментариев в указанных сообществах, можно предположить, что эмоциональный фон в секции комментариев не связан с музыкальным жанром, в котором работает исполнитель, и с тем, насколько его музыка кажется негативной. Так треки IC3PEAK и ATL представляются более агрессивными и жесткими, нежели музыка Noize MC, но расхождения показателей по их сообществам оказались не очень существенными. Количество подписчиков и длительность существования сообщества также не показали своего влияния на эмоциональный фон в комментариях.

Схожие значения индексов тональности по выбранным сообществам могут свидетельствовать о существовании типичных уровней эмоциональности в сообществах музыкальных исполнителей. Однако эти предположения требуют проверки на большем объеме данных из других сообществ.

Во всех трех сообществах пользователи стремятся к сокращению общего уровня негатива и поддержанию позитивного эмоционального фона. Это согласуется с теорией Коллинза, который отмечал стремление индивидов максимизировать позитивную энергию и избегать ситуаций, при которых возникают негативные эмоции.

Литература

1. Деева М. И. От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюркгеймская традиция в социологии эмоций // Социологическое обозрение. — 2010. — Т. 9. — № 2. — С. 134–154.
2. Тональный словарь русского языка // URL: https://github.com/dkulagin/kartaslov/tree/master/dataset/emo_dict (дата обращения: 20.05.2020).
3. Panchenko A. I. Sentiment Index of the Russian Speaking Facebook // Компьютерная лингвистика и информационные технологии: По материалам Международной конференции «Диалог». Вып. 13 (20). — М.: Изд-во РГГУ, 2014. — С. 506–518.

НОЯБРЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
*Молодежной научной конференции
факультет социологии СПбГУ, 9–10 ноября 2020 года*

Подписано к публикации 02.03.2021.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 6,625.

Заказ 7051.

Издательство и типография «Скифия-принт»
197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. 3.